

67.408
426

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ:
НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ**

1.700
126

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

УГОЛОВНОЕ ПРАВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Рекомендовано Министерством внутренних дел Республики Беларусь
в качестве учебного пособия
для обучающихся учреждений высшего образования
Министерства внутренних дел Республики Беларусь
по специальности 1-24 80 01 «Юриспруденция»

Под общей редакцией Э.А. Саркисовой

НАУКОВАЯ БІБЛІОТЭКА
Інв. № 637890
ГрДУ імя Янкі Купалы

Минск
Академия МВД
2017

УДК 343
ББК 67.408
У26

Авторы:

С.В. Ананич (гл. 5), *О.И. Бахур* (гл. 15), *В.А. Кашевский* (гл. 17),
Р.Н. Ключко (гл. 11), *А.В. Ковальчук* (гл. 3), *А.И. Лукашов* (гл. 13),
В.В. Марчук (гл. 4), *Д.Г. Мороз* (гл. 12), *А.А. Примаченок* (гл. 4),
Н.И. Ретнёва (гл. 11), *Е.А. Реутская* (гл. 9, 14), *О.З. Рыбаключева* (гл. 16),
А.Л. Савенок (гл. 2), *Э.А. Саркисова* (гл. 8, 9), *П.И. Сащико* (гл. 1),
С.М. Свило (гл. 6), *В.М. Хомич* (гл. 7), *Д.В. Шаблинская* (гл. 8),
В.С. Ялович (гл. 10)

Рецензенты:

кафедра правовых дисциплин УО «Могилевский институт Министерства
внутренних дел Республики Беларусь»;
заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета
Белорусского государственного университета
доктор юридических наук, доцент *И.О. Грунтов*;
первый заместитель министра внутренних дел Республики Беларусь –
начальник криминальной милиции *В.В. Михневич*

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	6
Глава 1. Уголовно-правовая политика	7
1.1. Уголовно-правовая политика: понятие и содержание	7
1.2. Принципы уголовно-правовой политики	10
1.3. Субъекты уголовно-правовой политики	15
1.4. Реализация уголовно-правовой политики	16
1.5. Социальная обусловленность современной уголовно-правовой политики и ее проблемы	19
Глава 2. Учение о преступлении: теория и практика законодательной интерпретации понятия и признаков преступления, состава преступлений и его элементов	23
2.1. Учение о преступлении в структуре науки уголовного права	23
2.2. Современные методы познания норм уголовного права и особенности их использования. Значение системного подхода и комплексного анализа	37
Глава 3. Предварительная преступная деятельность как форма преступного деяния: проблемы уголовно-правовой оценки в науке и практике	44
3.1. Предварительная преступная деятельность в истории отечественного законодательства	44
3.2. Обнаружение умысла: юридическая природа и правовое значение	49
3.3. Квалификация неоконченной преступной деятельности	52
3.4. Оценка предварительной преступной деятельности в официальных толкованиях уголовного закона	57
3.5. Правовая оценка добровольного отказа и деятельного раскаяния	60
Глава 4. Институт соучастия	65
4.1. Понятие соучастия в совершении преступления	65
4.2. Становление и развитие института соучастия в законодательстве и теории	69
4.3. Виды соучастников преступления	74
4.4. Формы соучастия	82
4.5. Ответственность соучастников	85
4.6. Понятие и виды множественности (стечения) лиц в совершении преступления	92
Глава 5. Множественность преступлений. Проблемы разграничения сложных единичных преступлений и множественности преступлений	101
5.1. Сложное единичное преступление и его виды	101
5.2. Множественность преступлений: понятие и виды	104
5.3. Проблемные вопросы правовой оценки множественности преступлений	115
Глава 6. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: систематика и дифференциация правовой оценки причинения вреда	129
6.1. Социальная сущность и развитие института обстоятельств, исключающих преступность деяния	129
6.2. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в зарубежном законодательстве	136

6.3. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в действующем законодательстве Республики Беларусь.....	140
Глава 7. Концепции уголовной ответственности в теории уголовного права. Уголовная ответственность как правовое понятие	165
7.1. Социальная ответственность, уголовное право и уголовная ответственность.....	165
7.2. Уголовная ответственность: понятие, содержание, основания, формы и меры реализации.....	179
Глава 8. Сущность и содержание наказания. Совершенствование системы наказаний в отечественном уголовном праве	193
8.1. Понятие, содержание и признаки уголовного наказания.....	193
8.2. Цели наказания.....	214
8.3. Система наказаний. Совершенствование системы наказаний в отечественном уголовном праве.....	226
Глава 9. Освобождение от уголовной ответственности и наказания: проблемные вопросы законодательной дифференциации оснований освобождения	236
Глава 10. Уголовная ответственность несовершеннолетних в контексте общепризнанных стандартов ювенальной юстиции	263
10.1. Преступность несовершеннолетних и уголовно-правовые основы борьбы с ней.....	263
10.2. Ювенальная юстиция: понятие, генезис и регламентация в международно-правовых актах.....	267
10.3. Основные тенденции уголовно-правовой политики в отношении несовершеннолетних в контексте общепризнанных стандартов ювенальной юстиции.....	273
Глава 11. Преступления против человека	279
11.1. Понятие и виды преступлений против жизни и здоровья человека.....	279
11.2. Преступления против жизни: анализ особенностей и проблемные вопросы квалификации.....	284
11.3. Субъективное вменение отдельных обстоятельств, отягчающих или смягчающих убийство: проблемные вопросы.....	287
11.4. Преступления против здоровья человека: особенности квалификации и отграничение от смежных составов преступлений.....	293
11.5. Общая характеристика и проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы.....	301
11.6. Преступления против личной свободы, чести и достоинства: общая правовая характеристика и классификация.....	314
Глава 12. Уголовно-правовая защита собственности: основные проблемы уголовно-правовой оценки преступных посягательств на отношения собственности	324
12.1. Общая характеристика преступлений против собственности.....	324
12.2. Уголовно-правовые аспекты противодействия преступлениям против собственности. Проблемные вопросы квалификации преступлений против собственности. Разграничение преступлений против собственности и смежных преступлений.....	332
12.3. Основные направления повышения эффективности уголовно-правовой охраны собственности.....	342

12.4. Уголовное законодательство зарубежных государств о преступлениях против собственности	352
Глава 13. Уголовно-правовые аспекты противодействия преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности	355
13.1. Общая характеристика преступлений против порядка осуществления экономической деятельности	355
13.2. Проблемные вопросы и методология исследования	359
Глава 14. Преступления против общественной безопасности	374
14.1. Преступления против общественной безопасности: понятие и место в системе Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь	374
14.2. Классификация преступлений против общественной безопасности	378
14.3. История развития законодательной регламентации преступлений против общественной безопасности с учетом разъяснений Пленума Верховного Суда	381
14.4. Общая характеристика преступлений против общественной безопасности	383
14.5. Проблемы квалификации преступлений против общественной безопасности	387
Глава 15. Преступления против общественного порядка и общественной нравственности в законодательстве и практике органов внутренних дел	396
15.1. Общая характеристика составов преступлений, посягающих на общественный порядок и общественную нравственность	396
15.2. Хулиганство (ст. 339 УК): юридический анализ и проблемы квалификации	400
15.3. Проблемы квалификации иных преступлений против общественного порядка и общественной нравственности	417
Глава 16. Уголовно-правовая характеристика преступлений против порядка управления. Правовые аспекты защиты сотрудников органов внутренних дел при выполнении служебных обязанностей по охране общественного порядка	431
16.1. Уголовно-правовая характеристика преступлений против порядка управления	431
16.2. Правовые аспекты защиты сотрудников органов внутренних дел при выполнении обязанностей по охране общественного порядка	443
Глава 17. Преступления против интересов службы: система служебных преступлений в уголовном законе и вопросы квалификации. Коррупция и преступления по службе	449
17.1. Общая правовая и криминологическая характеристика преступлений против интересов службы	449
17.2. Понятие и признаки должностного лица	457
17.3. История развития законодательства об ответственности за преступления против интересов службы	463
17.4. Проблемные вопросы квалификации преступлений против интересов службы	466

Глава 11

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА

11.1. Понятие и виды преступлений против жизни и здоровья человека

Уголовно-правовая защита человека предполагает в первую очередь защиту его жизни и здоровья.

Система составов преступлений против жизни и здоровья человека выглядит следующим образом:

преступления против жизни человека – убийство (ст. 139 УК); убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 140 УК); убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 141 УК); убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 142 УК); убийство при превышении пределов необходимой обороны (ст. 143 УК); причинение смерти по неосторожности (ст. 144 УК); доведение до самоубийства (ст. 145 УК); склонение к самоубийству (ст. 146 УК);

преступления против здоровья человека – умышленное причинение тяжкого телесного повреждения (ст. 147 УК); умышленное лишение профессиональной трудоспособности (ст. 148 УК); умышленное причинение менее тяжкого телесного повреждения (ст. 149 УК); умышленное причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения в состоянии аффекта (ст. 150 УК); при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 151 УК), при превышении пределов необходимой обороны (ст. 152 УК); умышленное причинение легкого телесного повреждения (ст. 153 УК); истязание (ст. 154 УК); причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения по неосторожности (ст. 155 УК);

преступления, ставящие жизнь и здоровье человека в опасность причинения вреда, – принуждение к даче органов или тканей человека для трансплантации (ст. 163 УК); незаконное производство аборта (ст. 156 УК); неоказание медицинской помощи больному лицу (ст. 161 УК); оставление в опасности (ст. 159 УК).

Законодатель относит к преступлениям против здоровья и такие деяния, объективная сторона которых напрямую не связана с психическим воздействием на потерпевшего, но нередко характеризуется и отсутствием насилия как такового, – например, заражение вирусом иммунодефицита человека (ст. 157 УК) или венерическим заболеванием (ст. 158 УК).

Уголовно-правовая борьба с преступлениями против жизни или здоровья велась на всех этапах развития отечественного уголовного

законодательства. Первый Уголовный кодекс РСФСР был принят 24 мая 1922 г., а 22 июня 1922 г. ЦИК БССР принял постановление о распространении действия Уголовного кодекса РСФСР на всю территорию Белоруссии с 1 июля 1922 г. С 1924 г. этот Кодекс стал официально называться Уголовным кодексом Белорусской ССР.

В первом советском уголовном кодексе к преступлениям против жизни были отнесены три вида умышленного убийства: квалифицированное (ст. 142), простое (ст. 143); совершенное под влиянием сильного душевного волнения (ст. 144); убийство по неосторожности (ст. 147). Была ответственность и за привилегированные виды убийства: так, ст. 145 предусматривала ответственность за превышение пределов необходимой обороны, повлекшее за собой смерть нападавшего, а также убийство застигнутого на месте преступления преступника с превышением необходимых для его задержания мер. В этой же группе оказались ст. 146 («Совершение с согласия матери изгнания плода или искусственного перерыва беременности лицами, не имеющими для этого надлежаще удостоверенной медицинской подготовки или хотя бы и имеющими специальную медицинскую подготовку, но в ненадлежащих условиях») и ст. 148 («Содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо не способного понимать свойства или значение совершаемого или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали»).

В УК БССР 1928 г. составы преступлений, связанные с посягательством на жизнь человека, практически не изменились. Была введена лишь норма о доведении лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица, жестоким обращением или иным подобным путем до самоубийства или покушения на него (ч. 1 ст. 141).

УК БССР, принятый в декабре 1960 г. и введенный в действие с 1 апреля 1961 г., воспроизвел систему преступлений против жизни человека. По-прежнему на первом месте осталась норма об умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах (квалифицированный состав – ст. 100), об убийстве без отягчающих обстоятельств (простое убийство – ст. 101), две нормы о привилегированном убийстве: в состоянии физиологического аффекта (ст. 102) и при превышении пределов необходимой обороны (ст. 103). Норма о неосторожном убийстве была выделена в самостоятельную ст. 104. Завершала группу преступлений против жизни ст. 105 «Доведение до самоубийства».

Уголовный кодекс Республики Беларусь, принятый в 1999 г., внес существенные коррективы в большинство норм о преступлениях против жизни человека. В частности, в одной статье были объединены основной и квалифицированный составы убийства. В действующем

законодательстве в группу убийств не включен состав причинения смерти по неосторожности.

Из 16 квалифицирующих признаков в ст. 139 УК только три предусматривались ранее в том же виде в УК БССР 1960 г., пять были откорректированы, а восемь признаков впервые появились в качестве обстоятельств, отягчающих ответственность за убийство. Кроме того, уголовный закон определил повышенную ответственность за умышленное лишение жизни другого человека, сопряженное с совершением таких особо опасных преступлений, как похищение человека, захват заложника, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, разбой, вымогательство, бандитизм. В ранее действовавшем уголовном кодексе такая связь была предусмотрена только применительно к изнасилованию. Впервые в истории отечественного законодательства была введена ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка и за убийство при превышении мер, необходимых для задержания совершившего преступление лица. Иной смысловой оттенок получила и ст. 141, предусматривающая ответственность за убийство, совершенное в состоянии аффекта.

Государство обеспечивает охрану жизни и здоровья человека, устанавливая уголовную ответственность за причинение телесных повреждений любой степени тяжести, а также за истязание, заражение ВИЧ и венерической болезнью, оставление в опасности и другие преступления, ставящие под угрозу здоровье человека. По мнению ряда исследователей, правовая регламентация преступлений против здоровья человека в первые годы формирования советского уголовного законодательства отличалась глубокой и всесторонней разработкой, конкретностью и доступностью понимания¹. В первом советском уголовном законе все телесные повреждения были разделены на три вида, включая тяжкие, менее тяжкие и легкие телесные повреждения. Наряду с преступлениями против здоровья человека содержались и составы, ставящие данное благо в опасность причинения вреда.

Впоследствии УК БССР 1928 г. существенным образом изменил систему преступлений против здоровья. Вместо трехчленного деления телесных повреждений появилось двухчленное, включающее тяжкие и легкие телесные повреждения. В этом законе впервые возникло деление легких телесных повреждений на два вида: причинившие и не причинившие расстройство здоровья. Кроме того, была установлена ответственность за неосторожное причинение телесного повреждения. По сравнению с предыдущим кодексом в УК 1928 г. была конкретизирована ответственность за заражение другого лица венерическим заболеванием.

¹ См.: Курс уголовного права : в 5 т. Особенная часть. Т. 5. С. 158–159.

Уголовный кодекс БССР 1960 г. внес изменения в характеристику отдельных составов телесных повреждений: была предусмотрена ответственность за причинение менее тяжкого телесного повреждения. Появилась и норма об ответственности за истязание; в разряд преступлений перешло уклонение от лечения венерической болезнью.

К моменту принятия УК Республики Беларусь 1999 г. была создана действенная система составов преступлений против здоровья человека, способная противостоять различного рода преступным посягательствам, связанным с причинением вреда здоровью человека.

В теории уголовного права преступления против жизни и здоровья являются предметом исследования весьма давно. Впервые проблемы уголовно-правовой охраны жизни человека были рассмотрены в докторской диссертации Н.С. Таганцева «О преступлениях против жизни по русскому праву». Впоследствии к данной теме обращались С.В. Познышев, А.А. Герцензон, В.Д. Меньшагин и др. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья рассматривались в трудах С.В. Бородина, Л.Д. Гаухмана, Н.И. Коржанского, А.А. Пионтовского, Э.Ф. Побегайло, М.Д. Шаргородского и многих других. Весомый вклад в исследование проблем ответственности за преступления против жизни и здоровья внесли такие видные белорусские ученые, как И.И. Горелик, П.А. Дубовец, И.С. Тишкевич, С.И. Тишкевич.

Изучение проблем ответственности за преступления против жизни было продолжено и после вступления в силу УК Республики Беларусь 1999 г. Отдельные вопросы уголовно-правовой охраны жизни и здоровья рассматривались в трудах И.О. Грунтова, Р.Н. Ключко, А.И. Лукашова, В.В. Марчука, А.А. Примаченка, Э.А. Саркисовой. Комплексный анализ проблем квалификации убийств впервые в Республике Беларусь был сделан Н.А. Бабием, предложившим алгоритм квалификации преступлений против жизни.

В то же время, несмотря на многочисленные научные публикации, проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья до конца не разрешены. Судебная и следственная практика показывает распространенность ошибок при уголовно-правовой оценке деяний, связанных с причинением потерпевшему смерти. В частности, нередки случаи, когда причинение телесных повреждений различной тяжести квалифицируется как покушение на убийство или, наоборот, когда покушение на убийство квалифицируют по статьям о причинении телесных повреждений. В основе ошибок подобного рода лежит невыполнение требований закона и положений постановления Пленума Верховного Суда.

Разграничение покушения на убийство и причинения телесных повреждений проводится по субъективной стороне содеянного. Необходи-

мо особо подчеркнуть, что покушение на убийство возможно только с прямым конкретизированным умыслом, то есть когда действия виновного свидетельствовали о том, что он предвидел наступление смерти потерпевшего, желал этого, но смертельный исход не наступил в силу обстоятельств, не зависящих от воли виновного. В некоторых случаях умысел виновного можно установить исходя из характера его действий. К признакам, характеризующим направленность умысла виновного на убийство, постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. № 9 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК)» относит следующие: способ и орудие совершения преступления, количество, характер и локализацию ранений и иных телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), причины прекращения преступных действий и т. д., а также предшествующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения, характер действий виновного после совершения преступления.

Все изложенные обстоятельства учитываются в совокупности, и ни одно из них не имеет заранее установленного значения. Так, могут быть использованы орудия, сами по себе опасные для жизни (огнестрельное оружие), но для поражения не жизненно важных органов (выстрел в ногу), и, наоборот, неопасные орудия могут быть использованы для причинения смерти. Само по себе поражение жизненно важных органов, в том числе и с применением оружия, тем не менее не всегда может свидетельствовать о наличии умысла на убийство при слабой интенсивности поражения.

Довольно часто при причинении телесных повреждений содержание умысла виновного является неопределенным в отношении вреда, причиненного здоровью потерпевшего. Лицо сознает, что оно своими действиями причиняет вред здоровью потерпевшего, но не может мысленно определить его размер. В таком случае ответственность виновного должна наступать за фактически причиненное последствие, на что прямо указывается в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь 2006 от 29 марта 2006 г. № 1 «О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения». При направленности умысла на причинение определенного по своей тяжести телесного повреждения – при прямом конкретизированном умысле – ответственность наступает за то телесное повреждение, на причинение которого был направлен умысел, если такое телесное повреждение в действительности было причинено, или же за покушение на это телесное повреждение, если в действительности было причинено телесное повреждение меньшей степени тяжести.

Правила квалификации и отграничение убийства от причинения тяжких телесных повреждений в зависимости от вида умысла виновного предложены Н.А. Бабием¹. Анализ судебной практики по разграничению преступлений против жизни и здоровья и ошибки в квалификации рассмотрены в пособии Г.Н. Борзенкова².

11.2. Преступления против жизни: анализ особенностей и проблемные вопросы квалификации

Наиболее опасным из числа преступлений против жизни человека является убийство, определение которого впервые было дано в УК 1999 г. В соответствии со ст. 139 убийство – это умышленное противоправное лишение жизни другого человека.

Несомненно, что из всех благ, имеющихся у человека, жизнь – самый ценный дар. Как физиологический процесс жизнь имеет начало и конец. Нет однозначного мнения о начальном моменте жизни человека в научной литературе. Большинство российских ученых считают началом жизни человека момент начала физиологических родов³, а точнее, момент прорезания головки младенца, выходящего из организма матери. А. Красиков и А. Наумов предлагают считать началом жизни момент констатации живорожденности ребенка: не только отделение плода от организма матери (за исключением пуповины), но и наличие у него дыхания или сердцебиения, пульсации пуповины либо произвольного движения мускулатуры⁴.

В мировой законодательной практике распространен подход, согласно которому начало человеческой жизни не момент рождения, а зачатия. По мнению некоторых ученых, научные открытия в области медицины и биологии доказывают, что жизнь человека начинается с момента зачатия. На всем протяжении внутриутробного развития плод имеет все признаки хотя и зависимой, но самостоятельной жизни⁵.

¹ См.: Бабий Н.А. Преступления против жизни: алгоритм квалификации. Минск : Тесей, 2009. С. 142–144.

² См.: Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика : учеб.-практ. пособие. М. : Зерцало, 2008. С. 191–206.

³ Там же. С. 20.

⁴ См.: Полный курс уголовного права : в 5 т. Т. 2. С. 141 ; Проценко С.В. К вопросу об уголовно-правовой защите в российском законодательстве права внутриутробного ребенка на жизнь // Рос. следователь. 2009. № 5. С. 15 ; Курс советского уголовного права : в 5 т. / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Особенная часть. Л. : ЛГУ, 1973. Т. 3. С. 480.

⁵ См.: Наумов А.В. Российское уголовное право : курс лекций. Т. 2: Особенная часть. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2007. С. 50 ; Красиков А.Н. Преступления против личности : учеб. пособие. Саратов : СГУ, 1999. С. 18–19.

⁶ См.: Попов А.Н. Умышленные преступления против жизни: проблемы законодательной регламентации и квалификации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. ; СПб. : СПбЮИ Генпрокуратуры РФ, 2003. 50 с.

В России разрешением данной проблемы стало нормативное закрепление момента начала жизни человека в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», вступившем в силу с 1 января 2012 г. Согласно ч. 1 ст. 53 названного закона моментом рождения ребенка считается момент отделения плода от организма матери посредством родов¹. Как подчеркивает Р. Шарапов, рождением ребенка следует считать не момент полного изгнания или извлечения младенца из организма роженицы, когда новорожденный начинает проявлять жизненно важные обменные функции, свойственные самостоятельному человеческому организму (легочное дыхание, сопровождаемое первым вдохом и криком), а момент наступления первых родовых схваток у беременной женщины, когда только начинается процесс отделения плода от материнского организма². На такой же позиции стоят и многие белорусские ученые³. После смерти тело человека охраняется нормой УК, предусматривающей ответственность за надругательство над трупом или могилой (ст. 347).

Убийством признается только причинение смерти другому человеку. В современном уголовном законодательстве нигде нет запрета на самоубийство как таковое. Поэтому, несмотря на то что это деяние в большинстве стран рассматривается как социально негативное явление, и самоубийство, и покушение на него преступлением не считаются.

Оценивая акт самоубийства с правовой точки зрения, Ч. Беккария писал: «Самоубийство является преступлением, по которому, казалось бы, не может применяться наказание в собственном смысле, потому что оно поражает или невинных, или холодное бесчувственное тело»⁴.

В УК Республики Беларусь оказание содействия в самоубийстве лица при условии отсутствия в содеянном признаков склонения к самоубийству (ст. 146) либо доведения лица до самоубийства (ст. 145) не влечет уголовной ответственности. Вместе с тем в правоприменительной практике возникали ситуации, когда лишение человеком себя жиз-

¹ См.: Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 21 нояб. 2011 г., № 323-ФЗ : в ред. Федер. Закона от 22.10.2014 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Россия».

² См.: Шарапов Р. Уголовно-правовое значение юридического определения момента рождения ребенка // Уголовное право. 2012. № 3. С. 75–78.

³ См.: Горелик И.И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья. Минск : Выш. шк., 1973. С. 154 ; Бабий Н.А. Преступления против человека в уголовном праве Республики Беларусь // Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины / отв. ред. А.И. Чучаев. М. : Проспект, 2014. С. 16 ; Вопросы квалификации, регистрации и учета преступлений / под общ. ред. А.И. Лукашова. 2-е изд. перераб. и доп. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. С. 56.

⁴ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. Биб-ка Я. Кротова. URL: http://krotov.info/library/02_b/ek/karia3.html (дата обращения : 10.09.2014).

ни сопровождалось именно советами, указаниями других лиц, предоставлением ими информации, средств или орудий¹. Такие действия падают за рамки конкретного состава преступления, являясь, по сути, уголовно нейтральными. Однако общественная опасность содействия самоубийству очевидна, особенно учитывая тенденцию к увеличению в мире суицидов. Все это подтверждает, что отсутствие состава содействия в самоубийстве в уголовных законах Республики Беларусь и большинства других стран СНГ представляется очевидным пробелом, требующим законодательного разрешения. В этой связи позиция предложения некоторых ученых об установлении уголовной ответственности за оказание помощи в суициде следует признать актуальной соответствующей современным реалиям².

УК Республики Беларусь, в отличие от УК Российской Федерации, закрепляет такой признак убийства, как противоправность, позволяющей проводить разграничение между убийством и правомерным лишением жизни человека, включая причинение смерти при необходимой обороне, задержании лица, совершившего преступление, и т. п.

Объективная сторона убийства включает три обязательных элемента: деяние в виде лишения жизни другого человека; общественно опасное последствие, выразившееся в смерти человека; причинная связь между указанным деянием и наступившим последствием.

Убийство может быть осуществлено как путем действия, так и путем бездействия. Умышленное лишение жизни человека путем бездействия встречается относительно редко. Уголовная ответственность в этом случае может наступать только при наличии определенных условий: лицо должно было действовать в определенной ситуации и определенным образом.

Обязательным признаком объективной стороны убийства является причинная связь между деянием виновного и смертью потерпевшего. Для убийства типична прямая (непосредственная) причинная связь. Как подчеркивают эксперты, значительно сложнее бывает установить причинную связь, когда она носит не прямой, опосредованный характер. Он может быть обусловлен действием автоматических устройств (часовой механизм, различные замедлители при взрыве); ожидаемыми действиями потерпевшего, которые могут быть как правомерными (например, вскрытие адресатом посылки, содержащей взрывное устройство, либо приведение в действие двигателя заминированной автомашины потерпевшего), так и неправомерными (например, сознательное

¹ См.: Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья... С. 26–27.

² См.: Марчук В. Уголовно-правовая оценка деяний, инспирирующих суицид // Суд. вестн. 2003. № 2. С. 29–32.

оставление в салоне автомобиля бутылки с отравленной водкой в расчете на то, что угонщик ее выпьет); действием малолетнего или психически больного, не осознающих характера содеянного; действием природных сил (например, оставление на морозе избитого до потери сознания потерпевшего); действием третьих лиц (например, запоздалое или некавалифицированное оказание медицинской помощи потерпевшему)¹. Определяющим для установления причинной связи в этом случае является вывод о том, что смертельный результат – необходимое последствие действия (бездействия) виновного в конкретных условиях места и времени.

Конструкция состава убийства требует наличия последствий в виде биологической смерти потерпевшего. При этом для наличия состава преступления не имеет значения время наступления смерти. Действующее уголовное законодательство не знает так называемых критических сроков для отграничения убийства от покушения на него или от тяжких телесных повреждений, повлекших смерть. Представляется, что независимо от того, наступила смерть сразу или спустя некоторое время, налицо оконченное преступление (если смерть явилась следствием действий преступника и связана с ним причинной связью).

11.3. Субъективное вменение отдельных обстоятельств, отягчающих или смягчающих убийство: проблемные вопросы

За совершенное общественно опасное деяние лицо подлежит уголовной ответственности лишь при наличии вины. В п. 5 ст. 3 УК Республики Беларусь сказано: «Лицо подлежит уголовной ответственности только за те совершенные им общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, предусмотренные настоящим Кодексом, в отношении которых установлена его вина, то есть умысел или неосторожность». Отечественному уголовному законодательству чужд принцип объективного вменения. Уголовная ответственность за невиновное причинение вреда не допускается.

В свете этих положений вопросы субъективного вменения приобретают исключительно важное значение. В науке уголовного права малоисследованной и вызывающей дискуссию является проблема субъективного вменения обстоятельств, отягчающих или смягчающих ответственность. В частности, определенные проблемы существуют при использовании ряда квалифицирующих признаков состава убийства.

К наиболее значимым из проблем следует отнести неоднозначное толкование в юридической литературе и судебной практике термина

¹ См.: Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья... С. 28–29.

«беспомощное состояние». Ученым и правоприменителю не удалось достичь единства мнений в вопросе правовой оценки убийства находящегося в состоянии алкогольного опьянения либо сна. По мнению Э.А. Саркисовой, беспомощное состояние может быть охарактеризовано, наряду с состоянием здоровья, и иным состоянием, включающим сон, алкогольное или наркотическое опьянение сильной степени¹. Такой позиции придерживаются и другие ученые². Разделяют также мнение, признавая потерпевшего беспомощным и находящимся в бессознательном состоянии, когда он не может принять меры к самозащите и выразить в полном объеме свою волю.

В то же время в юридической литературе высказано и иное отношение к термину «беспомощное состояние». Авторы комментария к УК Республики Беларусь отрицают возможность применения п. 2 ч. 2 ст. 139 УК в случае убийства спящего лица³. По мнению сторонников этой позиции, беспомощное состояние должно характеризоваться объективными и субъективными факторами. В подобной ситуации лишается жизни лицо, находящееся в беспомощном состоянии (объективный фактор), осознающее, что не может оказать сопротивление убийце (субъективный фактор). Данные признаки должны быть известны виновному лицу. Отсюда с неизбежностью следует вывод, что спящий или находящийся в бессознательном состоянии не может считаться беспомощным. Аналогичный вывод делают и некоторые российские ученые⁴.

Сон и сильную степень опьянения не признавали беспомощным состоянием не только в теории уголовного права. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь, рассмотрев дело по кассационной жалобе, изменила приговор, исключив из него

¹ См.: Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть / под общ. ред. А.И. Лукашова. Минск: Тесей, 2001. С. 61.

² См.: Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М.: Юрид. изд. во МЮ СССР, 1947. С. 94-95; Курс советского уголовного права. Особенная часть. Меньшагин В.Д., Пионтковский А.А. М.: Госюриздат, 1955. Т. 1. С. 536; Зайцев О. Сарсенбаев Т., Щерба С. Потерпевший в беспомощном состоянии: особенности судебного разбирательства // Рос. юстиция. 1995. № 9. С. 20; Конышева Л. Понятие психического беспомощного состояния жертвы преступления // Рос. юстиция. 1999. № 4. С. 44; Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 270.

³ См.: Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 297.

⁴ Дементьев С.И. Понятие беспомощного и бессознательного состояния // Рос. юстиция. 1999. № 1. С. 43; Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь. Саратов: СЮИ МВД России, 1999. С. 89; Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург: Гум. ун-т, 2000. С. 64-65.

решение об осуждении по п. 2 ч. 2 ст. 139 УК гражданина Ч., который совершил убийство спящего лица, находящегося в состоянии алкогольного опьянения¹. Это решение было обосновано тем, что состояние потерпевшего было необходимым физиологическим состоянием человеческого организма. Состояние опьянения потерпевшей не являлось заболеванием, а в числе психическим, которое не позволяло бы ей адекватно оценить ситуацию, оказать сопротивление, а было вызвано антиобщественным поведением, связанным с потреблением алкоголя. Однако впоследствии оценка судебной практикой указанного обстоятельства диаметрально изменилась: лица, которые стали жертвой убийцы, находясь в бессознательном состоянии, обмороке, состоянии сильного опьянения и также во время сна, лишаящего потерпевшего возможности оказать сопротивление виновному, также были отнесены к находящимся в беспомощном состоянии.

Отсутствие единого подхода к оценке признаков, которые существенным образом могут повлиять на применение меры уголовной ответственности, непостоянство правоприменительной практики – все это способно повлечь серьезные негативные последствия, связанные с неоправданным осуждением лиц, совершивших преступление. Поэтому законодатель не вправе игнорировать потребности единообразного толкования и применения уголовно-правовых норм, в частности тех, в которых используются оценочные понятия и термины. Именно они составляют значительную группу неточных признаков многих составов преступлений, выявленных наукой и практикой за годы действия УК Республики Беларусь.

Другим квалифицирующим признаком в составе убийства, имеющим многочисленные интерпретации, является признак особой жестокости. Трудности в применении на практике п. 6 ч. 2 ст. 139 УК связаны с тем, что данный признак является крайне оценочным. Во-первых, оценочным является само понятие жестокости. Во-вторых, в законе говорится не просто о жестокости, а об особой жестокости. Многие ошибки в квалификации связаны с тем, что правоприменитель нередко абсолютизирует отдельные критерии особой жестокости, игнорируя положение п. 10 постановления Пленума Верховного Суда от 17 декабря 2002 года № 9 «О судебной практике по делам об убийстве», согласно которому понятие жестокости при квалификации убийства связывается как со способом лишения жизни, так и с другими обстоятель-

¹ См.: Судебная практика по уголовным делам: вопросы уголовного и уголовно-процессуального права: сб. действующих постановлений Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь. обзор судеб. практики, постановлений и определений кассац. и надзор. судеб. инстанций за 1999–2004 гг. / отв. ред. В.О. Сукало. Минск: ГИУСТ БГУ, 2005. С. 274.

ствами, связанными с проявлением виновным такой жестокости. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь исключила из приговора Минского областного суда п. п. ст. 139 УК на основании того, что множественность телесных повреждений сама по себе не дает основания для признания убийства совершенным с особой жестокостью. Количество телесных повреждений необходимо оценивать, сопоставляя время, в течение которого они носились, с моментом формирования умысла, мотивом убийства, конкретными обстоятельствами совершения преступления¹.

Наличие множественных телесных повреждений порой может свидетельствовать не об умысле на причинение потерпевшему особенно сильных физических страданий или мучений, а об активном сопротивлении потерпевшего, преодоление которого и было связано с многочисленными ранениями, физическими данными потерпевшего, не позволяющими причинить смерть ему немедленно, и т. п. В судебной практике нередко возникают сложности при отграничении убийства с особой жестокостью от убийства в состоянии аффекта. Большое количество телесных повреждений при совершении убийства в состоянии аффекта рассматривается подчас как проявление особой жестокости. Правоприменительные органы не уделяют достаточного внимания оценке состояния виновного, игнорируя подчас обстоятельства, свидетельствующие о наличии особого психического состояния виновного, вызванного неправомерным поведением потерпевшего. В любом случае при совершении преступления виновный должен осознавать особую жестокость своего деяния, предвидеть возможность совершения убийства с особой жестокостью, при этом или желать его, или сознательно допускать, или относиться к нему безразлично.

Термин «особая жестокость», по мнению некоторых авторов, охватывает такие случаи проявления жестокости, как мучения, издевательство, садизм, в связи с чем предлагается исключить их из тех составов преступлений, где они предусмотрены в качестве отягчающих обстоятельств, оставив лишь признак особой жестокости².

Определенные сложности возникают и при квалификации группового совершения убийства, когда только одно лицо является субъектом преступления, а остальные участники признаны невинными.

Несмотря на видимую простоту объективного критерия соучастия — участие двух или более лиц в совершении преступления, данный признак в теории и судебной практике понимается неоднозначно. Возмож-

¹ См.: Судебная практика по уголовным делам... С. 347.

² См.: Раджабов Р.М. Соотношение понятия «Особая жестокость» со смежными оценочными категориями // Рос. следователь. 2008. № 13. С. 13–15.

ная позиция обусловлена в том числе и отсутствием единого понимания признака множественности соучастия. Так, одни ученые признают соучастие в том случае, когда в преступлении принимает участие не один субъект, способный нести уголовную ответственность, а несколько участников группы не обладают такими признаками. Данная позиция обосновывается отсутствием в определении понятия «соучастие» признаков, которыми должен обладать соучастник преступления¹.

Не отрицает объективной возможности существования группового преступления вне соучастия и Д.В. Савельев². Однако, по мнению В.М. Хомича, указанные групповые способы сопричинения (совместного совершения) преступного действия не образуют соучастия и в соответствии с системными содержательными изменениями уголовного закона не могут ныне квалифицироваться как совершение преступления группой лиц по соответствующим статьям Особенной части УК³.

Действительно, использование субъектом преступления малолетнего либо невменяемого в качестве орудия совершения преступления представляет в большинстве случаев повышенную общественную опасность по сравнению с преступлениями, совершаемыми одним лицом. Однако это обстоятельство не дает основания считать такие действия совершенными группой лиц в их уголовно-правовом значении. Самым сложным обстоятельством признания совершения преступления двумя лицами, когда признаками субъекта преступления обладает лишь одно лицо, является субъективная составляющая. Соучастие в преступлении предполагает не только признак наличия двух или более лиц, но и осознанность факта совершения преступления со стороны каждого из них. Должна присутствовать двухсторонняя субъективная связь между соучастниками, которая предполагает, что оба лица осознают общественно опасный характер совершаемого ими преступления, понимают значение своих действий для достижения общественно преступного результата и желают принимать участие в совершении преступления совместно с другими лицами.

¹ См.: Рагоз А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 256; Макаров С.Д. Квалификация соучастия в преступлении с ненадлежащим субъектом // Рос. судья. 2005. № 8. С. 22; Трухин А. Соучастник преступления // Уголовное право. 2006. № 3. С. 46; Рагоз А., Есаков Г. Понимание Верховным Судом РФ «группы лиц» соответствует принципу справедливости // Рос. юстиция. 2002. № 1. С. 51–53.

² См.: Савельев Д.В. Преступная группа: уголовно-правовая интерпретация // Рос. юрид. журн. 1999. № 1. С. 97.

³ См.: Хомич В.М. Системно-содержательные изменения института соучастия в Уголовном кодексе Беларуси и стандарты законности при квалификации // Судебная практика в контексте принципов законности и права: сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич. Минск: Гессей, 2006. С. 37–38.

Проблемы уяснения отдельных признаков существуют и при квалификации привилегированных видов убийств.

Так, некоторые технико-юридические погрешности ст. 140 УК предусматривающей ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка, затрудняют применение данной нормы на практике. Возникает множество вопросов об определении периодов новорожденности («во время родов», «непосредственно после родов») и понятия «новорожденный».

Довольно сложной является и квалификация оставления в опасности новорожденных и отграничение его от покушения на убийство. Практикой выработаны определенные правила квалификации таких деяний с учетом факта наступления смерти новорожденного, субъективного восприятия виновной и психотравмирующей ситуации, в которой оказалась женщина¹.

Дискуссионный характер носит и норма, предусматривающая ответственность за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 142 УК). По-прежнему нет единого мнения о правомерности лишения жизни преступника при его задержании. Так, некоторые ученые утверждают, что поскольку целью задержания является доставление преступника в правоохранительные органы, то его убийство исключено вообще. Н.А. Бабий допускает возможность причинения смерти особо опасному насильственному преступнику при условии очевидной повышенной опасности оставления его на свободе (например, при попытке убийцы скрыться с оружием в руках)³.

Говоря о правомерности причинения смерти задерживаемому лицу, С.В. Бородин предложил разделить все возможные случаи на две группы, а именно: 1) тяжесть совершенного преступления ни при каких обстоятельствах не означает применение таких средств, в результате применения которых задерживаемому может быть причинена смерть, 2) тяжесть совершенного преступления при задержании предлагает возможность применения любых средств, не ставящих под угрозу безопасность третьих лиц⁴.

¹ См.: Федорук Т.В. Особенности квалификации детоубийства по уголовному законодательству Республики Беларусь // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка Права. 2011. № 2. С. 130–135.

² См.: Рожнов А.В., Князьков М.Н. Применение норм о преступлениях против жизни и здоровья // Рос. юстиция. 1998. № 11. С. 45.

³ См.: Бабий Н.А. Квалификация убийств. Минск: Тесей, 2009. С. 517.

⁴ См.: Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М.: Юрист, 1994. С. 108.

Разделились мнения и в вопросе о субъективной стороне преступления, предусмотренного ст. 142 УК. Так, одни авторы считают, что данному виду преступления характерен косвенный умысел¹, другие утверждают, что преступление может совершаться как с косвенным, так и с прямым умыслом². В связи с этим следует признать обоснованными предложения о необходимости корректировки статьи, предусматривающей уголовную ответственность за причинение смерти задерживаемому лицу³. Российские авторы предлагают также принять и постановление Верховного Суда, в котором детально разъяснились бы основания и условия правомерности данных действий и были бы четко сформулированы правила применения оружия, различных технических устройств при задержании лиц⁴.

11.4. Преступления против здоровья человека: особенности квалификации и отграничение от смежных составов преступлений

Основным непосредственным объектом указанных преступлений является здоровье другого человека как определенное физиологическое состояние организма конкретного лица, каким бы оно ни было. Случаи самоповреждения не признаются преступными, за исключением тех, когда в результате причинения самому себе телесного повреждения вред причиняется иным объектам. Например, членовредительство с целью уклонения от воинской службы рассматривается не как преступление против здоровья, а как иное преступление, поскольку виновный посягает на другой объект – порядок прохождения военной службы; повреждение своего здоровья здесь лишь способ посягательства на иной объект. Такое деяние образует самостоятельный состав преступления (ст. 447 УК). Дискуссионным является вопрос уголовно-правового значения согласия потерпевшего на причинение вреда соб-

¹ См.: Вопросы квалификации, регистрации и учета преступлений: под общ. ред. А.И. Лукашова. 2-е изд. перераб. и доп. Минск: Акад. МВД Республики Беларусь, 2007. С. 75; Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь... С. 306.

² См.: Бабий Н.А. Квалификация убийств. С. 519; Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть. С. 78.

³ См.: Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние: дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2011. Л. 121; Старых С.М. Ответственность за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Моск. ун-т МВД России, 2003. 24 с.

⁴ См.: Сичинава И.Р. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д: Ростов. гос. ун-т, 2004. 26 с.

ственному здоровью, что было издавна предметом споров. Мнения высказывались диаметрально противоположные: от исключения уголовной ответственности до признания преступлением причинения телесных повреждений при выраженном согласии потерпевшего на причинение вреда его собственному здоровью.

Варианты разрешения проблемы предложены следующие. При причинении легкого вреда здоровью лица, давшего на это свое согласие, предлагается исключить уголовную ответственность субъекта¹. Согласие лица на причинение тяжкого или менее тяжкого вреда его собственному здоровью может исключать ответственность лишь при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния. Аналогично должен решаться вопрос и о причинении вреда здоровью при профессиональном риске в процессе спортивных состязаний. В этих случаях необходимо устанавливать, не связано ли причинение вреда здоровью с умышленным нарушением правил с целью совершения преступления. При доказывании такого умысла ответственность наступает на общих основаниях. Отсутствие умысла означает, что вред причинен в результате определенного риска, с которым связаны спортивные состязания, а добровольное участие спортсмена в них исключает уголовную ответственность за невиновно причиненные ему травмы².

Способы причинения вреда здоровью различаются по физическому и механическому воздействию на потерпевшего. Судебная практика подтверждает возможность воздействия на здоровье человека и психическими средствами. Однако доказывание и процессуальное закрепление доказательств преступного воздействия на организм человека этими средствами весьма затруднительны³.

Следует отметить, что телесные повреждения могут быть причинены как путем активных действий, так и путем бездействия. В юридической литературе приведен пример, когда сестра-сиделка, халатно относящаяся к режиму питания тяжелобольного человека, не обеспечивая строгости предписанной врачом диеты и часового режима поступления питательных веществ в организм после проведенной операции, способна своими действиями причинить вред здоровью больного, включая тяжкий (в зависимости от фактических обстоятельств дела)⁴.

¹ См.: Расторопов С. Преступления против здоровья человека при причинении и согласии на причинение вреда собственному здоровью // Закон и права. 2003. № 10. С. 65–66.

² См.: Баулин Ю.В. Причинение вреда с согласия «потерпевшего» как обстоятельство, исключающее преступность деяния. Харьков : Кроссруд, 2007. С. 66–68.

³ См.: Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. Т. 3. С. 162–169.

⁴ См.: Расторопов С.В. Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. С. 61.

Общественно опасные последствия причинения вреда здоровью называются в действующем законодательстве телесными повреждениями. Употребление этого термина вызывает у некоторых авторов сомнения. Так, Т.Г. Терещенко, считает, что определение «телесное повреждение» не отражает механизм возникающих нарушений, а представляет собой шаг назад по сравнению с нормативными положениями, предусмотренными в ранее действовавших медицинских правилах 1991 г.¹ Автор предлагает заменить термин «телесные повреждения» на «вред здоровью» как наиболее полно сочетающий медицинский и правовой аспекты.

Российские ученые, обосновывая законодательное решение об исключении из уголовного закона термина «телесные повреждения», указывают на трудности при квалификации иных видов причинения вреда здоровью (заболеваний, патологических состояний). Кроме того, термин «телесные повреждения», по их мнению, употреблялся для характеристики и последствий преступления, и самого действия. Теперь же акцент перенесен именно на характер последствий в виде той или иной тяжести вреда здоровью².

В зависимости от степени тяжести выделяются следующие виды телесных повреждений: тяжкие, менее тяжкие, легкие, повлекшие кратковременное расстройство здоровья и легкие, не повлекшие указанных последствий. Три первых вида влекут уголовную ответственность, последний – административную. Степень тяжести физического вреда определяется Правилами судебно-медицинской экспертизы характера и тяжести телесных повреждений, утвержденных Приказом Белорусской государственной службы судебно-медицинской экспертизы от 1 июля 1999 г. № 38-с³.

Уголовную ответственность за причинение телесных повреждений законодатель дифференцирует в зависимости от формы вины. С одной стороны, различается умышленное причинение тяжких телесных повреждений (ст. 147, 150, 151, 152 УК), а с другой, предусматривается ответственность за неосторожное причинение тяжких телесных повреждений; в связи с этим существует отдельная уголовно-правовая норма (ст. 155). Кроме того, в составе умышленного причинения тяжких те-

¹ См.: Терещенко Т.Г. Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения уголовно-правовая и криминологическая оценка : дис. ... канд. юрид. наук. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2013. Л. 43.

² См.: Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья... С. 168.

³ См.: Правила судебно-медицинской экспертизы характера и тяжести телесных повреждений в Республике Беларусь: прил. № 2 к Приказу Белорусской гос. службы судебно-медицинской экспертизы, 1 июля 1999 г., № 38-с // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2001. № 10/45.

лесных повреждений выделены: основной состав (ч. 1 ст. 147 УК); квалифицированный, то есть состав с наличиемотягчающих обстоятельств (ч. 2 ст. 147 УК); особо квалифицированный, то есть с наличием особоотягчающих обстоятельств (ч. 3 ст. 147 УК); привилегированный, то есть состав с наличием смягчающих обстоятельств (ст. 150, 151, 152 УК).

УК выделяет три разновидности умышленного причинения тяжкого телесного повреждения. Речь идет, во-первых, об основном составе (ч. 1 ст. 149), во-вторых, о квалифицированном (ч. 2 ст. 149) и в-третьих, о привилегированном (ст. 150 и 151). В отличие от причинения тяжких телесных повреждений применительно к рассматриваемому преступлению законодатель ограничил количествоотягчающих обстоятельств. Среди привилегированных составов умышленного причинения менее тяжких телесных повреждений следует отметить совершение преступления в состоянии аффекта (ст. 150) и применение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 151).

Причинение легких телесных повреждений в уголовном законе дифференцируется. Законодатель предусматривает лишь умышленную форму совершения данного преступления (ст. 153 УК), не признавая при этом градацию деяния на основной, квалифицированный и привилегированный составы. Неосторожный характер причинения телесных повреждений в силу незначительной степени общественной опасности не признается преступным деянием. По тем же основаниям в законе не представлены и обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность за рассматриваемое преступление.

Среди преступлений против здоровья особое место (как по степени общественной опасности, так и по распространенности) занимает умышленное причинение тяжкого телесного повреждения (ст. 147 УК). Данный вид преступлений против здоровья человека относится к наиболее сложным для юридического анализа: возникают трудности в квалификации данного преступления, отграничения его от преступлений против человека. Немало ошибок возникает и при установлении субъективной стороны умышленных тяжких телесных повреждений.

В ст. 147 УК предусмотрено два вида тяжких телесных повреждений: а) опасные для жизни человека в момент причинения, б) неопасные для жизни, но повлекшие за собой указанные в законе последствия. Таким образом, тяжкими признаются повреждения, опасные для жизни человека; произошла потеря зрения, речи, какого-либо органа; утрачена функция какого-либо органа; прерывание беременности или психическое расстройство.

повлекли за собой неизгладимое обезображение лица; причинено повреждение здоровью, соединенное со значительной стойкой утратой трудоспособности не менее чем на одну треть или связанное с повреждением костей скелета (на срок свыше четырех месяцев).

Опасные для жизни телесные повреждения сами по себе угрожают жизни человека и при обычном их течении (без оказания медицинской помощи) заканчиваются смертью. Предотвращение смертельного исхода в результате оказания медицинской помощи не изменяет оценку повреждения как опасного для жизни. Опасными для жизни могут быть не только телесные повреждения, но и патологические состояния, возникающие в результате воздействия различных внешних факторов. Говоря о признаках, характеризующих тяжкое телесное повреждение, стоит обратить внимание на термин «неизгладимое обезображение лица или шеи», вызывающий многочисленные дискуссии. Сущность проблемы сводится к следующему: 1) нет точного соотношения признаков неизгладимости и обезображивания; 2) неопределенность признаков обезображивания; 3) не определены области человеческого тела, к которым может быть применено понятие «обезображивание»¹.

Неизгладимое обезображение лица характеризуется тем, что лицо пострадавшего в результате нанесенных повреждений приобретает безобразный, отталкивающий вид и, кроме того, эти повреждения являются неизгладимыми.

Неизгладимость повреждения лица или шеи является понятием медицинским и устанавливается судебно-медицинским экспертом, который устанавливает характер повреждения и возможность минимизации повреждения обычными методами лечения. Вопрос о признании таких повреждений обезображивающими относится к компетенции органа предварительного преследования и суда, несмотря на то что выдвигались предложения оставить этот вопрос в сфере деятельности судебного эксперта. С таким решением был категорически не согласен П.А. Душман. По его мнению, только суд, исходя из объективных критериев, может установить факт обезображивания.

¹ Галюкова М.И. Неизгладимое обезображивание лица как признак тяжкого телесного повреждения [Электронный ресурс] // Уголовное право и криминология. URL: <http://www.galukova.com> (дата обращения: 13.10.2014).

² Рыжикова И.А. Неизгладимое обезображивание лица как признак тяжкого телесного повреждения // Реф. докл. 2-й расш. науч. конф. Киев. отд-ния Укр. науч. о-ва юристов и криминалистов. Киев, 1956. С. 15; Филиппов А.П. Борьба с умышленными повреждениями по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Юрид. лит., 1964. Л. 78.

³ Душман П.А. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву. М.: Юрид. лит., 1964. 75 с.

Не оспаривая общепринятую позицию по обсуждаемому вопросу, следует сказать, что термин «обезображение» носит оценочный характер. Его точное определение нигде не приводится. Отсутствует в Правилах 1999 г. ввиду того, что термин является не медицинским, а эстетическим понятием. Отдельные формулировки данного признака можно встретить в юридической литературе, однако они не решают проблему толкования данного признака.

В ч. 1 ст. 147 УК законодатель ограничил признак тяжкого телесного повреждения областью лица или шеи. Вместе с тем, как отмечает Т.Г. Терешенко, в судебной практике возникает много спорных вопросов об отнесении тех или иных частей тела к области лица вследствие того, что в Правилах 1999 г. нет четкого определения частей тела. В этой связи ученый предлагает вместо понятия «неизгладимое обезображение лица или шеи» использовать понятие «неизгладимое обезображение части тела»¹.

Причинение тяжких телесных повреждений в любом его виде считается оконченным преступлением при наступлении перечисленных последствий. Между деянием и наступившими последствиями в каждом конкретном случае должна быть установлена причинная связь.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в виде умысла или неосторожности. Телесные повреждения могут быть причинены как с прямым или косвенным умыслом, так и в результате неосторожности или преступной небрежности. Ч. 3 ст. 147 УК относится к преступлениям со сложной формой вины, объединившему в одной статье деяния – умышленное причинение тяжкого телесного повреждения и причинение смерти по неосторожности, но в целом такое преступление рассматривается как умышленное (ст. 25 УК).

В УК 1999 г. законодатель впервые определил понятие «смешанной» вины и закрепил ее в отдельной статье. В свое время И.И. Горелик знал, что смешанная форма вины является «незаменимым элементом изучения субъективной стороны преступления», который несет в себе именно законодательную характеристику субъективной стороны некоторых составов преступления².

В то же время в уголовно-правовой литературе давно существовала дискуссия о существовании сложной вины. Так, П.С. Дагестанский, А.Н. Трайнин признавали необходимость наличия в составе преступления смешанной формы вины.

¹ Терешенко Т.Г. Неизгладимое обезображение лица или шеи при причинении тяжкого телесного повреждения // Весн. Грод. дзярж. ун-та. Сер. 4. Правазнаўства. 2010. № 1. С. 12-13.

² См.: Горелик И.И. Ответственность за поставление в опасность жизни и здоровью праву. Минск: Выш. шк., 1964. С. 23.

соединение умысла и неосторожности, образующих новую самостоятельную – третью форму вины. Другая группа ученых, не отрицая сложности сочетания различных форм вины в субъективной стороне преступления, утверждали, что здесь нет особой формы вины¹.

В литературе все чаще звучит предложение об исключении из УК ответственности за преступление с «двойной» виной. По мнению В. Лукьянова, статья вносит путаницу в установление субъективной стороны значительной части составов преступлений и не решает проблемы, а служит лишь наукообразным прикрытием ее неразрешимости². Предлагая исключить из УК Республики Беларусь ст. 25, Трунтов считает, что конструкция данной статьи не соответствует требованиям принципа личной виновной ответственности³. Н.А. Бабичев в свою очередь предлагает в качестве альтернативы – вместо сложной формы вины – вариант квалификации деяния при умышленном причинении преступления и неосторожности по отношению к нам в результате этого преступления последствиям⁴.

Квалифицирующие признаки умышленного причинения тяжкого телесного повреждения в основном идентичны квалифицирующим признакам убийства. Применение их в судебной практике сопровождается трудностями и ошибками, что и при квалификации убийства.

Вопросы отграничения умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, от причинения смерти по неосторожности рассмотрены как белорусскими учеными, так и их российскими коллегами⁵.

«Неизгладимое обезображение лица по степени тяжести является более тяжким телесным повреждением», определяемое в уголовном законе как повреждение, не опасное для жизни и не повлекшее смерти потерпевшего, предусмотренных ст. 147 УК, но вызвавшее длительное заболевание или повреждение здоровья на срок до четырех месяцев либо значительную

¹ См.: Горелик И.И. Уголовное право. Минск: Выш. шк., 1979. № 20. С. 4-6.

² Лукьянов В. Исключить из УК статью об ответственности за преступления с двойной виной // Рос. юстиция. 2002. № 3. С. 58-60.

³ И.О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законе // Труды Тесей, 2012. С. 188-189.

⁴ Бабичев Н.А. О квалификации причинения смерти по неосторожности в результате тяжкого насилия // Суд. весн. 2005. № 2. С. 47-50; Борзенков Г.Н. Уголовное право. Жизнь и здоровья... С. 191-206.

⁵ Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья... С. 191-206; Терешенко Т.Г. Некоторые проблемы квалификации умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего // Актуальные проблемы квалификации преступлений: тез. докл. II науч.-метод. конф. ассистентов и студентов, Минск, 19 апр. 2013 г. Минск: БГУ, 2013. С. 123.

стойкую утрату трудоспособности менее чем на одну треть (ст. 149). В Правилах 1999 г. к признакам менее тяжелого телесного повреждения отнесены: длительное расстройство здоровья продолжительностью свыше трех недель (более 21 дня) и не более четырех месяцев (или 122 дней) для повреждений костей скелета; значительная стойкая утрата трудоспособности от 10 до 33 %. Кроме указанных признаков, менее тяжелое повреждение не должно быть опасным для жизни, то есть когда сами ранения нанесены не в жизненно важные органы и не угрожают жизни человека. Оно также не должно повлечь последствий, характерных для тяжелого телесного повреждения.

В данном аспекте следует обратить внимание и на особенности ответственности за причинение телесного повреждения при одновременном наличии смягчающих и отягчающих обстоятельств, указанных в уголовном законе. Речь идет о том, что умышленное причинение тяжелого телесного повреждения, совершенное в состоянии аффекта при превышении пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, даже при наличии таких отягчающих обстоятельств, как совершение преступления в отношении лица, заведомо малолетнего, престарелого или находящегося в беспомощном состоянии, подлежит квалификации соответственно по ст. 150, 151 или 152 УК. В этом случае применяется квалификация преступлений при конкуренции квалифицирующих признаков и смягчающих ответственность обстоятельств, согласно которому приоритет отдается обстоятельствам, смягчающим ответственность. Рассматриваемые действия подлежат квалификации соответственно по ст. 150, 151 или 152 УК и в случае, если они по причинению по неосторожности смерть, поскольку согласно ст. 31 и 35 УК причинение по неосторожности смерти потерпевшему признанных в этих статьях обстоятельствах вообще не влечет уголовной ответственности.

Уголовный закон предусматривает ответственность за причинение легких телесных повреждений при наличии кратковременного расстройства здоровья и незначительной стойкой утраты трудоспособности (ст. 153 УК). Отсутствие указанных последствий исключает уголовную ответственность. Виновное лицо подлежит лишь административной ответственности (ст. 9.1 КоАП). Не предусмотрена уголовная ответственность и за причинение легкого телесного повреждения по неосторожности.

Кроме рассмотренных преступлений, выражающихся непосредственно в причинении потерпевшему телесных повреждений, к преступлениям, причиняющим вред здоровью, относятся также иные преступления, последствиями которых явились причинение по неосторожности

тяжких, менее тяжелых телесных повреждений или смерти (ст. 162, 164, 165), и преступление, причиняющее боль и физические либо психические страдания потерпевшему (ст. 154).

Таким образом, отечественное законодательство весьма детально регламентирует ответственность за вред, причиненный здоровью человека, и иные действия, поставляющие в опасность здоровье человека.

11.5. Общая характеристика и проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы

Современное белорусское уголовное законодательство исходит из равенства полов в плане охраны их половой неприкосновенности и половой свободы. Криминализация в УК Республики Беларусь 1999 г. насильственных действий сексуального характера (ст. 167) позволила ликвидировать пробел, длительное время существовавший в уголовно-правовом регулировании сексуальных отношений, и обеспечить уголовно-правовую охрану половой свободы и неприкосновенности как женского, так и мужского пола. Однако идея гендерного равноправия не привела к изменению традиционной трактовки признаков изнасилования в уголовном законодательстве Республики Беларусь, несмотря на то что в современном мире в последние годы происходит переосмысление признаков изнасилования.

В соответствии с законодательством ряда государств (например, Австралии, Англии, Нидерландов, Словении, Франции) изнасилование исторически становится универсальным «гендерно нейтральным» составом преступления, потерпевшим в котором могут быть не только женщины, но и мужчины, при этом ключевым признаком изнасилования становится насильственное сексуальное проникновение. Так, например, ст. 242 Уголовного кодекса Нидерландов использует термин «проникновение», определяя изнасилование как действия, содержащие «включаящие проникновение в тело половым путем, подчиниться которому виновное лицо заставляет с помощью акта насилия или других действий. Сама формулировка «проникновение в тело половым путем» подразумевает введение мужского полового органа в естественную полость потерпевшего лица. Поэтому субъектом данного преступления может быть только мужчина, а потерпевшим и женщина, и мужчина. Биологическое различие полов, являющееся естественным и обуславливающее различия в физиологических реакциях организма,

Каменова А.Н. Общее и особенное в понятии «изнасилование» в России и за рубежом // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2008. № 1. С. 96–108; Каменова А.Н. Дискуссионные вопросы ответственности за изнасилование по уголовному законодательству Российской Федерации и уголовным законодательствам зарубежных государств. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГУ, 2009. 25 с.

предопределяет необходимость дифференциации насильственных составов преступлений сексуальной направленности с учетом гендерного признака субъекта преступления и характера совершаемых действий. Физиологическая составляющая мужской половой функции отличается существенным образом от женской. Активная сущность мужской физиологии предопределяет возможность совершения насильственных половых сношения при отсутствии положительного волеизъявления потерпевшего, причем как женского, так и мужского полов. Отличия по степени общественной опасности между изнасилованием и мужским половым сношением практически отсутствуют, тогда как в белорусском уголовном законодательстве они имеются в части различия в адресате возможного применения насилия либо угрозы таковым.

Объектом сексуальных преступлений является половая свобода или половая неприкосновенность лица любого пола. В случаях совершения указанных преступлений в отношении несовершеннолетнего лица в качестве дополнительного объекта выступает нормальное физическое и нравственное развитие подростков и детей, а при совершении насильственных половых преступлений – здоровье потерпевшего. При этом лишь при совершении изнасилования в качестве дополнительного объекта может выступать здоровье близких потерпевшему лиц, перечень которых закреплен в п. 3 ч. 2 ст. 4 УК. В целях обеспечения равенства полов и равной защиты прав потерпевших (независимо от характера сексуальных действий) целесообразно признать конструктивным альтернативным признаком состава насильственных действий сексуального характера (как способа их совершения) применение насилия или угрозы его применения к лицам, близким потерпевшему.

Признаки непосредственного объекта преступления коррелируются признаками потерпевшего. Когда потерпевшим от преступления является физически и психически здоровое лицо, достигшее половой зрелости и такого уровня умственного развития, при котором оно способно понимать значение действий сексуального характера и управление половым влечением, то объектом уголовно-правовой охраны является его половая свобода. Когда лицо не имеет свободы выбора сексуального партнера, формы и вида сексуальных взаимоотношений, средств сексуального удовлетворения, то объектом является половая неприкосновенность такого лица. Указанные объекты являются по сути альтернативными, именно поэтому законодатель в названии ст. 171 УК использовал союз «или».

Половая свобода предполагает свободу самоопределения в сексуальных отношениях, а именно свободу выбора сексуального партнера, а также способов и средств сексуального удовлетворения. Половая неприкосновенность – это неприкосновенность лица, лиш-

возможности в силу возраста, психического, физического или иного беспомощного состояния, от совершения любых действий сексуального характера. Согласие таких лиц на совершение действий сексуального характера в любой форме может не иметь юридического значения, так как указанная категория лиц не обладает достаточной зрелостью и свободой выбора в сфере сексуальных отношений. Обязательным дополнительным объектом сексуальных преступлений, совершаемых в отношении детей и подростков, является их нормальное физическое и нравственное развитие, которому причиняется существенный вред вследствие раннего и, как правило, извращенного пробуждения сексуальных чувств потерпевшего.

В качестве основного объекта уголовно-правовой охраны от организации и (или) использования занятия проституцией либо создания условий для занятия проституцией (ст. 171 УК), вовлечения в занятие проституцией либо принуждения к продолжению занятия проституцией (ст. 171¹ УК) выступает общественная нравственность в сфере половых отношений. По этой причине в уголовно-правовой доктрине имеются предложения о закреплении признаков таких составов преступлений в гл. «Преступления против общественной нравственности».

Характеристика половых, возрастных и других признаков потерпевшего от преступлений против половой свободы или половой неприкосновенности зависит от признаков конкретного состава преступления. В некоторых случаях именно возрастные признаки потерпевшего лица позволяют разграничивать смежные составы половых преступлений. В частности, малолетний возраст потерпевшего лица при совершении действий сексуального характера с согласия потерпевшего может обусловить квалификацию содеянного как изнасилования либо насильственные действия сексуального характера с использованием беспомощного состояния потерпевшего. В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7 судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. 166–170 УК) указывается, что беспомощное состояние потерпевшей (потерпевшего) как признак объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 166, 171¹ УК, имеет место в тех случаях, когда эти лица в силу своего *малолетнего возраста* (курсив наш. – Р.К.), расстройства психической деятельности, потери сознания, алкогольного, наркотического опьянения, других причин не могли понимать характер и значение совершаемых с ними действий либо вследствие физических недостатков, болезни, других причин не могли противодействовать обвиняемому или утратили

физическую возможность оказать ему сопротивление¹ (п. 5). В судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. 166–170 УК) отмечается, что в каждом конкретном случае необходимо не просто констатировать малолетний возраст, а устанавливать, могло ли данное лицо в силу своего возраста и развития понимать характер и значение совершаемых с ним действий².

По мнению В.М. Хомича, наличие беспомощного состояния потерпевшему считается установленным, если имеет место вступление в половую связь с девочкой, возраст которой не превышает десяти лет. При превышении десятилетнего возраста потерпевшей вследствие условий в которых она росла и воспитывалась, возможно, что девочка понимает характер и последствия половой связи, «что исключает наличие изнасилования... Поэтому по достижении девочкой десятилетнего возраста в каждом случае должен выясняться уровень осознания потерпевшей собственного социально-полового развития, понимания сути половых отношений и их последствий»³.

Уголовному законодательству зарубежных государств известна более высокая возрастная планка для признания действий сексуального характера, совершенных на добровольной основе с подростками, изнасилованием либо насильственными действиями сексуального характера. Так, российский законодатель пошел по пути законодательного определения минимальной возрастной границы потерпевшего, позволяющей отграничивать составы, с одной стороны, изнасилования, насильственных действий сексуального характера от составов полового сношения, иных действий сексуального характера и развратных действий с лицом, не достигшим шестнадцати лет, с другой стороны.

В соответствии с Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 131 «Изнасилование» была дополнена примечанием, в котором указывается, что лицо, не достигшее 12-летнего возраста, уже в таком возрасте считается находящимся в беспомощном состоянии и не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий. В беспомощном состоянии в таком случае просто презюмируется

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь о судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы (ст. 166–170 УК) // Суд. весн. 2012. № 4. С. 9.

² См.: О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. 166–170 УК) (по материалам обзора судебной практики за 2012 г.) // Суд. весн. 2012. № 4. С. 16.

³ Хомич В.М. Преступления против половой неприкосновенности или половой свободы // Преступления против личности в уголовном праве Беларуси. Россия и Беларусь. Отв. ред. А.И. Чучаев. М.: Проспект, 2014. Разд. I. Гл. II. С. 134.

лицом в соответствии с Законом о сексуальных преступлениях 2003 г. Любые сексуальные действия с лицом младше 13 лет рассматриваются как изнасилование¹.

Изучение судебной практики по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы показало, что число подростков и детей в общем количестве потерпевших от таких преступлений превышает число взрослых², поэтому вопрос о разграничении различных видов преступлений сексуальной направленности, совершенных в отношении несовершеннолетних, имеет особую значимость. Авторы исследования считают, что в тех случаях, когда возникают сомнения в добровольности вступления малолетнего в половую связь, необходима квалификация содеянного как изнасилования или насильственных действий сексуального характера. Дело в том, что ни законодатель, ни правоприменитель не должны упускать из виду, что соглашение малолетнего, которому пусть и объяснили в доступной форме технические аспекты половой жизни, всегда будет иметь определенную степень фиктивности³.

Объективная сторона всех характеризуемых преступлений представляет совершение активных действий сексуального характера либо действий, связанных с возбуждением или удовлетворением полового влечения лиц, не являющихся субъектом преступления.

В уголовно-правовой доктрине предлагались различные классификации преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы. В зависимости от признаков непосредственного объекта посязания половые преступления можно подразделить на следующие группы:

- 1) преступления против половой свободы;
- 2) преступления против половой неприкосновенности взрослых лиц, находящихся в беспомощном состоянии;
- 3) преступления против половой неприкосновенности и нормального физического и нравственного развития детей и подростков;
- 4) преступления против общественной нравственности в сфере сексуальных отношений.

В зависимости от признаков объективной стороны, а именно наличия или отсутствия применения насилия или угрозы его применения как спо-

¹ Мичинов А. Ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних по законодательству стран Евросоюза (на примере Германии, Франции, Великобритании) // Уголовное право. 2014. № 2. С. 17.

² О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы. С. 15.

³ Алдеева М. В. Об усилении уголовной ответственности за сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних // Журн. рос. права. 2011. № 4. С. 125.

соба совершения того или иного преступления, половые преступления можно подразделить на две группы:

насильственные – изнасилование (ст. 166 УК), насильственные действия сексуального характера (ст. 167 УК), понуждение к действиям сексуального характера (ст. 170 УК); также к таковым с определенными долей условности можно отнести развратные действия, совершенные применением насилия или угрозы его применения (ч. 2 ст. 169 УК) и вовлечение в занятие проституцией с применением насилия или с угрозой его применения (ч. 2 ст. 171¹ УК);

ненасильственные – половое сношение или иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 168 УК), развратные действия (ч. 1 ст. 169 УК), организация (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией (ст. 171 УК), вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией без применения насилия или угрозы его применения (ст. 171¹ УК).

В.М. Хомич справедливо отмечает, что фактор насилия лежит в основе конститутивного или квалифицирующего признака соответствующего полового преступления в зависимости от возраста потерпевшего. Ученый подчеркивает, что если «в основе криминализации выступают интересы сохранения нравственного и полового здоровья несовершеннолетних», то насилие является лишь квалифицирующим признаком подобных преступлений (например, в составе развратных действий). Но если основой криминализации сексуальных преступлений выступает фактор их насильственной реализации, то несовершеннолетний (и малолетний) возраст потерпевших является квалифицирующим признаком (например, в составе изнасилования)¹.

Все основные составы половых преступлений – формально исключением понуждения к действиям сексуального характера является усеченным. Действия сексуального характера или связанные с ними действия как обязательный признак составов половых преступлений могут иметь как физический, так и интеллектуальный характер. Объективная сторона одних составов преступления характеризуется лишь физическим характером этих действий (иснасилование (ст. 166 УК), насильственные действия сексуального характера (ст. 167 УК), половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 168 УК), организация и (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией (ст. 171 УК), вовлечение

¹ См.: Хомич В.М. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы. С. 128.

в занятие проституцией с применением насилия (ч. 2 ст. 171¹ УК); других – только интеллектуальным характером: понуждение к действиям сексуального характера (ст. 170 УК), вовлечение в занятие проституцией без применения насилия (ст. 171¹ УК), а третьих – как физическим, так и интеллектуальным характером их совершения (развратные действия (ст. 169 УК). В отдельных случаях именно физический либо интеллектуальный характер совершаемых действий сексуального характера позволяет разграничить смежные составы преступлений, например, действия интеллектуального характера, совершаемые с согласия потерпевшего, не могут быть квалифицированы по статьям 166–168 УК, а могут содержать признаки развратных действий (ст. 169 УК) либо образовывать признаки приготовления к соответствующему преступлению.

В соответствии с европейским законодательством под развратными действиями в отношении несовершеннолетних могут пониматься различного рода усилия по информационному воздействию на несовершеннолетнего с целью сексуального удовлетворения, возбуждения интереса к сексу как виновного, так и несовершеннолетнего потерпевшего. При этом использование для совершения указанного преступления электронных средств коммуникации, в том числе сети Интернет, признается квалифицирующим признаком. Общение с несовершеннолетними посредством электронных средств коммуникации в целях совершения с ними сексуальных действий в последующем (в соответствии с законодательством ряда европейских государств – например, Франции, Англии) признается самостоятельным преступлением и не требует квалификации как приготовление к конкретному сексуальному преступлению¹. Такие особенности уголовно-правовой охраны нормального сексуального развития детей и подростков отражают общемировые тенденции усиления уголовно-правовой ответственности в отношении лиц, совершающих преступления педофильной направленности, в особенности когда использование современных информационных средств коммуникации существенно увеличивает ответственности лиц, совершающих преступления посредством информационного воздействия.

Действия сексуального характера, образующие признаки объективной стороны половых преступлений, характеризуются персональной направленностью на конкретное лицо (конкретных лиц). В случае отсутствия виновного умысла на совершение посягательства на половую неприкосновенность или половую неприкосновенность конкретного лица, выступившего в роли потерпевшего, содеянное подлежит квалификации не

¹ Смирнов А. Ненасильственные посягательства... С. 19–21.

как преступление против человека, а как преступление иного характера, например против общественного порядка или общественной нравственности.

Субъективная сторона всех преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы характеризуется наличием прямого умысла. Субъект преступления во всех случаях совершения указанных преступлений сознает общественно опасный характер совершаемых им действий сексуальной направленности и желает их совершить. Сами по себе действия сексуального характера не представляют общественной опасности. Последняя может быть обусловлена различными обстоятельствами, осознаваемыми виновным, а именно совершением их помимо или против воли потерпевшего лица. В связи с этим субъект преступления должен осознавать, что применяемое им насилие либо угроза его применения направлены на преодоление сопротивления потерпевшего (потерпевшей), подавление их воли либо что потерпевший находится в беспомощном состоянии, когда его согласие на совершение действий сексуального характера, по сути, не является осознанным и добровольным. Если физическое воздействие сексуального характера происходит на добровольной основе, может возникнуть сомнение в наличии интеллектуального признака вины, а именно наличия лицом общественной опасности совершаемых им действий.

Говорить о добровольности полового акта и отнесении причинного насилия к своеобразному проявлению половой страсти можно только при минимальных формах физического насилия (повалить на землю, рвал одежду и т. д.). При нанесении ударов, побоев такой вопрос не возникает. Поэтому для установления прямого умысла на совершение насильственного полового акта против воли потерпевшей большое значение имеет выяснение, насколько убедительно она выражала несогласие на половую близость, а следовательно, понимал ли виновный, что она этой близости не желает¹.

Анализируя историю уголовного законодательства в части установления ответственности за изнасилование, нелишним будет вспомнить, что вопросы установления границы между преступными и не преступными действиями сексуального характера (в зависимости от характера и предшествующего поведения жертвы) всегда были спорными. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. указывалось, что «изнасилование исключалось потерпевшая вела себя вызывающе, когда ее поведение свидетельствовало о желании вступить в половую связь. Например, когда она

¹ См.: Андреева Л.А., Цэнгел С.Д. Квалификация изнасилования. СПб.: СЗН ИТ, 2005. С. 15.

чала свидание у себя в спальне. Даже если в этом случае имело место сопротивление с ее стороны, то обвиняемый имел все основания полагать, что сопротивление притворно»¹.

В каждом конкретном случае при решении вопроса о наличии либо отсутствии признаков насильственного посягательства на половую свободу потерпевшего следует устанавливать, охватывался ли умыслом виновного факт совершения действия сексуального характера против воли потерпевшего, для чего необходимо учитывать в совокупности все обстоятельства совершения такого действия. Как указывается в постановлении Пленума Верховного Суда № 7 от 27 сентября 2012 г., «предшествующее совершению преступления поведение, образ жизни, наличие брачных отношений с обвиняемым и другие данные о личности не включают (курсив наш. – Р.К.) признания лица потерпевшим по делам данной категории»², однако указанные обстоятельства необходимо анализировать для решения вопроса об умысле лица на совершение действий сексуального характера против воли потерпевшего.

Содержание субъективной стороны насильственных половых (сексуальных) преступлений включает прямой либо косвенный умысел виновного на причинение легкого и менее тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Отношение виновного к наступлению общественно опасных последствий, закрепленных в качестве квалифицирующих признаков (причинение смерти, тяжких телесных повреждений, заражение ВИЧ, наступление иных тяжких последствий), характеризуется осторожной формой вины.

Мотив и цель не являются обязательными признаками преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы, однако их правильное установление может служить в определенных случаях основанием для отграничения преступлений указанной категории от других составов преступлений. Например, мотивы совершения действий по срыванию одежды с потерпевшего, демонстрации своего тела в обнаженном виде позволяют отграничить покушение на преступление сексуальной направленности либо его совершение от хулиганства или оскорбления.

Признаки субъекта преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы зависят от конкретного состава преступления. Характеризуя возрастные признаки субъекта, можно отметить, что субъектом изнасилования (ст. 166 УК) и насильственных действий сексуального характера (ст. 167 УК) является вменяемое лицо, достигшее

¹ Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины / А.И. Чучаев. М.: Проспект, 2014. С. 420.

² Судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы... С. 8.

14-летнего возраста; полового сношения или иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ст. 168 УК) и развратных действий (ст. 169 УК), – достигшее 18-летнего возраста: понуждения к действиям сексуального характера (ст. 170 УК), организации и (или) использования занятия проституцией, либо создания условий для занятия проституцией (ст. 171 УК) и вовлечения в занятие проституцией, либо принуждения к продолжению занятия проституцией без применения насилия или угрозы его применения (ст. 171¹ УК) достигшее 16-летнего возраста. Субъект изнасилования в силу его особых половых признаков, полового сношения или иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, и развратных действий в силу его особых возрастных признаков, связанных с достижением совершеннолетия, понуждения к действиям сексуального характера, совершенного с использованием служебной, материальной или иной зависимости потерпевшего, является **специальным**.

Признаки специального субъекта отдельных составов половых преступлений, а также особенности сложной конструкции объекта стороны изнасилования и насильственных действий сексуального характера, совершенных с применением насилия или угрозой его применения, определяют проблемы уголовно-правовой оценки указанных преступлений, совершенных в соучастии. Первая проблема связана с особенностями половых характеристик субъекта изнасилования, качество которого может выступать лишь лицо мужского пола, а вторая – со сложной конструкцией состава изнасилования, совершенного с применением насилия либо угрозой его применения.

В уголовно-правовой доктрине до сегодняшнего дня вопрос квалификации деяний соучастников в преступлениях со специальным субъектом продолжает оставаться актуальным. В судебной практике на территории имеется два подхода к решению указанной проблемы.

1. Согласно первому подходу только лицо, обладающее признаками специального субъекта, может признаваться исполнителем (соисполнителем) преступления, а деяния лиц, не обладающих признаками специального субъекта, независимо от их характера, следует квалифицировать как организацию, подстрекательство или пособничество в преступлении¹.

Н.А. Бабий считает, что «если круг субъектов нарушаемого общественного отношения ограничен специальным признаком, то соисполнителями преступления со специальным субъектом могут быть только субъекты, которые в качестве субъектов нарушаемого обще-

¹ См.: Курс советского уголовного права : в 5 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецова и И.М. Тяжковой. Т. 1. С. 399.

отношения обладают и указанным специальным признаком», то есть только специальные субъекты могут быть соисполнителями преступления со специальным субъектом. «Соисполнителями двухобъектного преступления со специальным субъектом следует считать только тех субъектов, которые являются субъектами основного объекта уголовно-правовой охраны. Указанные субъекты для признания их соисполнителями должны совершить действия, образующие нарушение основного объекта двухобъектного преступления со специальным субъектом. Если в таком преступлении какой-либо из субъектов совершает только действие по причинению вреда дополнительному объекту, то он не является в данном преступлении специальным субъектом и не признается соисполнителем, к нему применяются положения об общем субъекте»¹.

Указанный подход к уголовно-правовой оценке преступлений со специальным субъектом, совершенных в соучастии, отражен в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7, в соответствии с которым действия лица женского пола, оказавшего содействие в изнасиловании, выразившееся в применении или угрозе применения насилия, следует квалифицировать по ст. 16 и соответствующей части ст. 166 УК (п. 10). Именно правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии, положены в основу рекомендаций Верховного Суда.

Однако не во всех случаях за основу решения вопроса о квалификации действий обвиняемых предлагается брать нормы о соучастии в преступлении – в частности, при правовой оценке действий лица, совершившего изнасилование или насильственные действия сексуального характера совместно с лицом, которое не могло быть привлечено к уголовной ответственности ввиду невменяемости либо в силу требований ст. 27 УК или по другим предусмотренным законом основаниям. Как свидетельствует судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда, содеянное обвиняемым при таких обстоятельствах следует квалифицировать по ч. 2 ст. 166, 167 УК, поскольку «общественная опасность изнасилования при участии нескольких лиц, когда нести реальную ответственность может лишь один субъект, возрастает за счет способа совершения посягательства, а по своим внешним объективным характеристикам этот способ является групповым». Как указывает Верховный Суд, в процессе реализации насильственного посягательства участвуют только физических лиц. Следовательно, групповой способ исполнения отражает здесь объективную характеристику совершения изнасилования несколькими физическими лицами, когда только один из них об-

¹ Бабий Н.А. О единстве взаимопределяющих признаков состава преступления и о соучастии: тезисы // Юстыця Беларусі. 2014. № 7. С. 23.

ладает признаками субъекта преступления. За основу решения вопроса о квалификации действий обвиняемых должны браться не нормы участия в преступлении, а объективные признаки исполнения преступления несколькими физическими лицами¹.

Таким образом, в судебной практике заложены два полярных подхода к трактовке признаков института соучастия в преступлении. В одном случае Пленум призывает квалифицировать содеянное с учетом правил квалификации преступлений со специальным субъектом, а в другом – не учитывать нормы о соучастии, а брать за основу лишь объективные признаки совершения преступления и признавать его совершенным в такой форме соучастия, как она была налицо.

Критикуя указанную позицию, Н.А. Бабий пишет: «Стремление усилить ответственность субъекта, использующего при совершении преступления поведение не субъекта, привело к тому, что судебная практика породила соучастие (соисполнительство) с невменяемым, которое может быть названо „невменяемым соучастием“. Неоднородность невменяемого соучастия побудила ряд ученых предложить более изящный способ достичь цели усиления уголовной ответственности – перевести группу лиц из института соучастия в характер объективной стороны состава преступления. Группа в системе признаков объективной стороны состава преступления призвана играть роль группового способа совершения преступления либо обстановки совершения преступления, а для способа и обстановки не требуются признаки возраста и вменяемость. Тем самым в научный оборот вошел еще один вид совершения преступления несколькими лицами – „групповое несоучастие“. И хотя перевод субъективных признаков в объективные несколько маскирует невменяемое соучастие в группе лиц, от этого несколько не меняется. Категорическое неприятие подобных научных рекомендаций объясняется тем, что категорически нельзя переводить человека в разряд объективных признаков состава преступления, нельзя превращать человека в средство или орудие совершения преступления, какие бы благие цели при этом ни преследовались. Далее Н.А. Бабий отмечает, что «основу проблемы оценки совершения преступления с участием не субъектов составляет противоречие, заключающееся в отсутствии специальных законоположений и

¹ См.: О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы... С. 20.

² Бабий Н.А. Необходимые пояснения к структуре терминов множественности преступлений // Юстиция Беларуси. 2013. № 2. С. 24.

возможности решить вопросы ответственности в рамках института соучастия. И теория, и практика в этой ситуации озабочены не столько поиском научно обоснованного решения противоречия, сколько поиском „научно-практического“ обоснования применения аналогии уголовного закона, что само по себе вызывает сожаление»¹.

С отсутствием признака группового совершения изнасилования, когда другие участники преступления (кроме одного) вследствие невменяемости или недостижения возраста являются ненадлежащими субъектами преступления, согласен В.М. Хомич, справедливо отмечая, что если участник изнасилования, подлежащий уголовной ответственности, не сознавал наличие указанных обстоятельств в отношении других участников преступления, его действия должны квалифицироваться как покушение на групповое изнасилование»².

Сторонники второго подхода предлагают учитывать не только обстоятельство, характеризующее исполнителя как специального субъекта, но и особенности объективной стороны состава совершаемого преступления в совокупности. А.П. Козлов, указывая на сложную структуру нормы об изнасиловании, включающую три разновидности совершения изнасилования (изнасилование с использованием беспомощного состояния потерпевшей; изнасилование с применением угроз; изнасилование с применением насилия), считает, что в двух последних случаях предполагается возможность частичного выполнения женщиной объективной стороны изнасилования, что делает ее исполнителем данного преступления, который уже является не специальным, а общим³.

Аналогичной точки зрения придерживается Б. Волженкин: «Если из совокупных действий, образующих объективную сторону преступления (например, изнасилования, хищения), может фактически совершить любой субъект, то, действуя в группе по предварительному умыслу со специальным субъектом, он становится соисполнителем преступления»⁴. С.С. Аветисян полагает, что соисполнителем изнасилования может быть и женщина, которая выполняет действия, входящие в объективную сторону состава преступления: эта позиция обосновывается тем, что ответственность за изнасилование – это ответст-

¹ Н.А. Бабий. Необходимые пояснения к структуре терминов... С. 24.

² Хомич В.М. Преступления против половой неприкосновенности или половой свободы... С. 139.

³ Козлов А.П. Соучастие: традиция и реальность. СПб.: Юрид. центр Пресс. 2007. С. 319–320.

⁴ Волженкин Б. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях со специальными субъектами // Уголовное право. 2000. № 1. С. 15.

венность специального субъекта за посягательство на общий объект¹. В.М. Хомич также считает, что «в качестве соисполнителя при осуществлении насильственных способов совершения преступления может быть и лицо женского пола, применяющее насилие для преодоления или предотвращения сопротивления потерпевшей с целью совершения мужчиной полового сношения»².

Резюмируя изложенное, отметим, что тонкая грань между преступными и непроступными деяниями, связанными с совершением действий сексуального характера, между насильственными и ненасильственными половыми преступлениями, половыми и иными группами преступлений, а также поиск ответов на непростую проблему адекватной правовой оценки этих преступлений (в том числе совершенных в соучастии) актуализируют необходимость дальнейшего теоретического анализа признаков указанной группы преступлений, разработки четких, единообразных научно обоснованных подходов к их правовой оценке и минимизации пробелов уголовного закона.

11.6. Преступления против личной свободы, чести и достоинства: общая правовая характеристика и классификация

Согласно ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей, никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом. Эти положения Пакта получили развитие в Конституции Республики Беларусь, которая среди основных прав человека и гражданина признает право на охрану свободы, неприкосновенности и достоинства личности (ст. 25 УК). Исходя из признаков объекта, все преступления, входящие в данную главу, можно разделить на преступления против личной свободы (ст. 181–187 УК), чести и достоинства (ст. 188, 189 УК).

В течение длительного времени в уголовном законодательстве отсутствовал системный подход к охране личной свободы человека. Так в УК 1924 г. преступления рассматриваемой группы не были выделены в самостоятельную главу, а располагались в гл. «Телесные повреждения и насилие над личностью». Не изменилось их расположение и в УК БССР 1928 г.

¹ См.: Аветисян С.С. Соучастие в преступлении со специальным составом: монография. М.: Закон и право, 2004. С. 375–379.

² Хомич В.М. Преступления против половой неприкосновенности или половой свободы. С. 136.

УК БССР 1960 г. содержал в первоначальном варианте минимальный перечень посягательств на личную свободу человека, в него входили составы «похищение или подмен ребенка» (ст. 123); «незаконное лишение свободы» (ст. 124). В 1987 г. система преступлений против свободы человека пополнилась новым составом – захват заложника. Реформирование социального уклада общества в 1988 г. повлияло на решение законодателя криминализировать деяние, сопряженное с незаконным помещением в психиатрическую больницу (ст. 124² УК). В 1997 г. была изменена редакция ст. 123: из ч. 2 этой статьи был исключен такой признак, как похищение ребенка, и она предусматривала ответственность лишь за подмену чужого ребенка. Таким образом, УК БССР 1960 г. за период своего действия существенно расширил круг деяний, посягающих на личную свободу человека.

Особенность объективной стороны преступлений рассматриваемой группы в том, что, во-первых, они совершаются только путем действия (активного поведения) и, во-вторых, их составы сконструированы по типу формальных (то есть преступления считаются оконченными с момента осуществления действия независимо от наступления последствий). Исключение составляет состав преступления, предусмотренный ст. 187. Это преступление имеет место в случае наступления последствий в виде сексуальной или иной эксплуатации лица, трудоустроенного за границей. В этом случае непременно устанавливается причинная связь незаконного трудоустройства гражданина за границей с названным последствием.

Субъективная сторона данной группы преступлений характеризуется умышленной формой вины, как правило, в виде прямого умысла. В то же время относительно части определения формы вины применительно к преступлению, связанному с незаконными действиями, направленными на трудоустройство граждан за границей, имеются некоторые разногласия. Аргументированная позиция в этом вопросе высказана А.В. Барковым, который, толкуя диспозицию и санкции ч. 3 ст. 187, делает вывод, что преступление совершается с косвенным умыслом¹. Иной точки зрения придерживается В.А. Лаевский: умысел виновного при незаконном трудоустройстве гражданина за границей направлен именно на такое трудоустройство, отношение же виновного к последствиям таких действий по незаконному трудоустройству – сексуальной или иной эксплуатации (как необходимым условиям наличия состава преступления, предусмотренного ст. 187) – выражается

¹ См.: Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 345.

лишь в форме неосторожной вины (преступная небрежность или легкомыслие); в противном случае будет иметь место торговля людьми¹.

Итак, система составов преступлений против личной свободы человека небезупречна: отсутствует системный подход к формированию уголовно-правовых санкций; в ряде случаев уголовно-правовая охрана личной свободы обеспечивается без строгого учета социальной ценности данного блага; остается необъяснимой позиция законодателя и по поводу отнесения деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 181¹, к менее тяжкому преступлению, тогда как похищение человека согласно ч. 1 ст. 182 является тяжким преступлением. Напрашивается вывод, что использование рабского труда является менее общественно опасным деянием, нежели похищение человека, с чем вряд ли можно согласиться. Несмотря на различную степень общественной опасности, равнозначными по санкциям признаны составы ч. 1 ст. 181¹ и ч. 1 ст. 183. Не в полной мере соблюден системный подход и к построению санкций за преступления рассматриваемой группы, совершенные при отягчающих обстоятельствах. Введение квалифицирующих признаков не обеспечивает плавного перехода санкций от основного к квалифицированному и от квалифицированного к особо квалифицированному составам. Необоснованно преуменьшена степень опасности использования рабского труда и при снижении верхних пределов наказания в сравнении с санкциями за аналогичные преступления против личной свободы.

Дискуссионный характер носит ряд вопросов, касающихся уголовно-правовой характеристики похищения человека, незаконного лишения свободы, толкования отдельных признаков объективной стороны составов преступлений, отсутствия четких правил отграничения от других смежных преступлений, ошибок в применении рассматриваемых норм в судебной и следственной практике. Что касается похищения человека, то в настоящее время не выработан единый подход в решении вопроса о похищении одним родителем своего ребенка против воли другого родителя. Требуется изучения и вопрос о правовой оценке похищения ребенка суррогатной матерью.

На законодательном уровне предлагается внести в УК корректировки: в частности, примечание об освобождении от уголовной ответственности (при условии освобождения потерпевшего виновным) должно распространяться не только на захват заложника, но и на похищение человека, и незаконное лишение свободы.

¹ См.: Лаевский В. Противодействие торговле людьми: некоторые вопросы квалификации преступлений // Суд. весн. 2006. № 3. С. 16.

Особенности уголовной ответственности за торговлю людьми

Криминализация торговли людьми стала одним из серьезных шагов законодателя в 1999 г. в сфере противодействия преступлениям, посягающим на личную свободу человека. Однако конструкция нормы, устанавливающей ответственность за сделки с человеком, несмотря на внесенные в 2005 г. изменения, и по сей день вызывает множество вопросов, касающихся толкования понятия «торговля людьми» и его юридических признаков. Учеными и практиками высказываются разные мнения, что можно объяснить тем, что состав преступления, предусмотренный ст. 181 УК Республики Беларусь, является сложным, многогранным, характеризующим одну из сфер криминальной деятельности.

В настоящее время законодатель внес коррективы в норму, предусматривающую ответственность за торговлю людьми. Это стало возможным благодаря принятому 5 января 2015 г. Закону Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях».

В принятом Законе видоизменена диспозиция ст. 181 УК. В новой редакции она практически дословно воспроизводит дефиницию торговли людьми, изложенную в международных правовых актах: вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека в целях эксплуатации, совершенные путем обмана, либо злоупотребления доверием, либо применения насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия. Как видим, законодатель отказался от использования гражданско-правовой терминологии, исключив из диспозиции ст. 181 куплю-продажу и совершение иных сделок в отношении человека. Однако, на наш взгляд, такое решение следует признать поспешным, недостаточно продуманным и не соответствующим общепризнанным принципам и нормам международного права в области защиты детей. Норма будет не способна реагировать на случаи продажи младенцев их собственными родителями. Анализируя случаи покупки младенца для усыновления и воспитания, правоприменитель должен будет доказывать цель эксплуатации ребенка. Примечательно, что из всех форм, подпадающих под определение эксплуатации, теоретически допустимым может быть признано только использование усыновленного младенца для изъятия его органов и тканей. Однако в этом случае доказать факт эксплуатации младенца будет проблематично ввиду невозможности получения

показаний жертвы предполагаемой эксплуатации. В этой связи можно констатировать, что законодатель фактически декриминализировал часть преступных посягательств, связанных с торговлей несовершеннолетними.

В ранее действующей редакции ст. 181 способы торговли людьми были указаны в качестве квалифицирующих признаков. Такая конструкция нормы не позволяла применять на практике основной состав преступления, поскольку виновные привлекались к ответственности всегда лишь за квалифицированные виды торговли людьми. Опыт конструирования признаков состава торговли людьми в других государствах подсказал белорусскому законодателю решение данной проблемы: таким способом, как обман, злоупотребление доверием, силой, не опасное для жизни или здоровья потерпевшего, либо угроза применения такого насилия, в настоящее время придан статус основного признака состава преступления. Действительно, нет сомнений, что торговля людьми – это деяние, которое в большинстве случаев сопровождается обманом лица. Жертв торговли могут обманывать полностью или частично в том, что касается их деятельности. Например, они могут знать о том, какую работу должны будут выполнять, но не знают об условиях или размере оплаты. Часто характер работы неизвестен, но умалчиваются рабские условия содержания и мизерная зарплата или вообще полное их отсутствие. Кроме того, наряду с обманом, виновные лица часто используют особые доверительные отношения, сложившиеся между ними и потерпевшими. В настоящее время в мире набирает силу такой феномен вербовки, как «вторая волна», в ходе которой проданные женщины возвращаются домой и наняты на работу других женщин, умалчивая при этом об условиях и характере предстоящей работы. Как только потенциальную жертву заманивают в ловушку секс-индустрии, у женщины почти не остается шансов. Одно из немногих средств избежать насилия как способа принуждения к проституции – это путь от жертвы к преступнице.

В новой редакции ст. 181 в качестве способа преступления названы также насилие, не опасное для жизни или здоровья потерпевшего, угроза применения такого насилия. Теперь основным составом торговли людьми охватывается нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли, а также фактическое причинение в результате физического насилия умышленных легких телесных повреждений, повлекших кратковременного расстройства здоровья либо нестойкой утраты трудоспособности. В случае причинения потерпевшему телесных повреждений иной степени тяжести речь

идти о квалифицированном составе торговли людьми. Такое законодательное решение следует признать вполне обоснованным, учитывая подходы к конструированию данного признака в иных составах преступления. Кроме того, на необходимость дифференциации насилия неоднократно указывалось и учеными, считавшими, что квалифицирующее значение следует придать применению или угрозе применения только насилия, опасного для жизни или здоровья¹.

Редакционными изменениям подвергнуто и определение понятия эксплуатации. Основная цель торговли людьми сформулирована как незаконное принуждение человека к работе или оказанию услуг (в том числе к действиям сексуального характера, суррогатному материнству, сабору у человека органов и (или) тканей)) в случае, если он по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг), включая рабство или обычаи, сходные с рабством. Как видно, законодатель включил в определение данного понятия и признаки сексуальной эксплуатации, придав им статус конструктивного элемента состава преступления. Предлагаемая конструкция понятия эксплуатации позволит разрешить существующую проблему разграничения торговли людьми и использования занятия проституцией (ст. 171). Следственной и судебной практикой не учитывался тот факт, что сексуальная эксплуатация – это разновидность эксплуатации, вследствие чего при решении вопроса о наличии в действиях виновного цели сексуальной эксплуатации необходимо установить признаки, которые характеризуют понятие эксплуатации, а именно наличие элементов принуждения или иных способов воздействия, с помощью которых лицо принуждается к оказанию сексуальных услуг. По мнению судьи Верховного Суда Республики Беларусь В.А. Лаевского, недопустимо расширительное толкование понятия «использование занятия проституцией» и отождествление его с понятием «сексуальная эксплуатация» в контексте торговли людьми при отсутствии предусмотренных примеч. 1 к ст. 181 признаков эксплуатации как таковой². Данная точка зрения нашла поддержку и в научных кругах³.

См.: Рагоз А.И. Проблема унификации уголовно-правовых норм, направленных на борьбу с рабством и торговлей людьми // Проблемы совершенствования правовых средств и методов противодействия преступности в современном обществе : материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 13–14 окт. 2006 г. Минск, БГУ, 2007. С. 114.

См.: Лаевский В. Противодействие торговле людьми... С. 14–18.

См.: Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 345; Марчук В.В. Юридический анализ дополнений и изменений, внесенных в Уголовный кодекс Республики Беларусь в 2005–2006 гг. [Электрон. ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

Законом 2015 г. впервые введена ответственность за принуждение к суррогатному материнству. Речь в данном случае идет об одной из форм эксплуатации человека в составе торговли людьми, когда женский организм используется для вынашивания беременности и родов. Такие случаи известны в мировой практике. Подобный бизнес ведется одна из подпольных организаций по «разведению детей» в Таиланде обманным способом женщин заставляли стать суррогатными матерями. К пациенткам, добровольно согласившимся на оказание услуг, впоследствии применялось насилие, их незаконно удерживали и принуждали к вступлению в половые отношения для зачатия ребенка; только благодаря усилиям правоохранительных органов женщин смогли освободить из рабства¹.

В Республике Беларусь также был зафиксирован ряд общественно опасных деяний, связанных с использованием репродуктивных технологий в нарушение норм действующего законодательства². В правоприменительной практике возникли проблемы с квалификацией деяний лиц, которые за крупные денежные вознаграждения организовывали под видом суррогатного материнства искусственную инсеминацию женщин, рождение ими детей и дальнейшую передачу новорожденных заказчиком (чаще всего бездетным семейным парам из ближнего или дальнего зарубежья)³. К сожалению, данные действия не получили должной правовой оценки, что свидетельствует о том, что законодательная охрана сферы применения вспомогательных репродуктивных технологий не лишена пробелов и трудностей в правоприменении.

В новой редакции ст. 181 в качестве цели эксплуатации человека названо и принуждение к забору у человека органов и (или) тканей, ранее выступавшее в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность за торговлю людьми. В действующей статье данный признак не ограничен указанием на трансплантацию как конечную цель извлечения органов и тканей, что позволит на практике вменить торговлю людьми целью извлечения органов без доказательств трансплантации

¹ См.: Принудительное суррогатное материнство – криминальный скандал в Таиланде [Электронный ресурс] // Российская ассоциация «Народонаселение и развитие». <http://2beyoung.ru/news/135/> (дата обращения: 26.01.2015).

² В Республике Беларусь правовые и организационные основы применения репродуктивных технологий, обеспечение прав граждан при их применении закреплены в Законе Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях».

³ См.: Семин А.А. Некоторые вопросы ответственности за деяния в сфере применения вспомогательных репродуктивных технологий // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 апр. 2014 г. Минск : Акад. МВД Беларусь, 2014. С. 10-11.

у жертвы и пересадки реципиенту. Кроме того, признание данного признака конструктивным элементом состава торговли людьми разрешит проблему необоснованного придания квалифицирующего значения данной форме эксплуатации человека. С позиций юридической техники, включение законодателем в определение эксплуатации указания на забор у человека органов и (или) тканей позволит устранить имеющийся юридический парадокс, ограничивающий практическое применение данного квалифицирующего признака, так как представить ситуацию, когда виновное лицо может одновременно преследовать цели эксплуатации лица (обязательный признак состава) и изъятия у него органов и тканей (квалифицирующий признак), довольно проблематично.

Корректировке подверглись и некоторые квалифицирующие признаки. В частности, учитывая высокую степень общественной опасности посягательств на личную свободу ребенка и международные правовые подходы в области защиты его прав, законодатель признал вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение ребенка в целях эксплуатации торговлей людьми даже в том случае, если упомянутые действия не связаны с применением какого-либо из средств воздействия. Это означает, что если вышеуказанные действия совершены в отношении несовершеннолетнего, то не требуется доказывать факты принуждения, обмана, использования уязвимого положения как способ совершения торговли людьми. Между тем такой подход законодатель не разрешит до конца всех проблем, связанных с торговлей детьми. По-прежнему остается актуальным вопрос о необходимости выделения торговли детьми из общего состава преступления, особенно в том случае, когда из диспозиции ст. 181 были исключены купля-продажа и сделки в отношении человека.

Изменения, внесенные Законом 2015 г., коснулись также признака, относящегося к специальному субъекту рассматриваемого преступления.

В частности, исключено указание на статус лица как должностного. Выполнение объективной стороны в данном случае будет связано не только с выполнением, но и с осуществлением в сфере государственного управления, а также с выполнением всего, со служебной и профессиональной деятельностью виновного. В реальной жизни торговля людьми, в частности несовершеннолетними, становится возможной из-за злоупотреблений медицинским персоналом родильных домов, сотрудниками детских дошкольных учреждений, школ-интернатов своими обязанностями и т. д. Такие лица не являются должностными, однако их профессиональная деятельность используется для совершения преступления или облегчает его совершение. В законодательстве ряда государств (например, Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Таджикистан) данный признак имеет аналогичную конструкцию.

В ранее действовавшей редакции ст. 181 в качестве квалифицирующего признака было выделено совершение торговли людьми в целях вывоза лица за пределы государства. Для квалификации деяния виновного по п. 8 ч. 2 ст. 181 было достаточно установить лишь, независимо от того, смог виновный реализовать ее или нет. Законом 2015 г. были внесены коррективы, позволяющие констатировать данный признак только в случае, если поставленная цель, связанная с физическим перемещением потерпевшего за границу, была достигнута в полном объеме.

Кроме внесения изменений и дополнений в существующие квалифицирующие признаки, законодатель включил в норму и новые обстоятельства, повышающие степень опасности торговли людьми. В частности, предусмотрено совершение торговли людьми в отношении беременной женщины (заведомо для виновного). Данное обстоятельство обусловлено, по-видимому, более высоким социальным смыслом деяния посягательства, так как это преступление угрожает нормальному развитию плода – будущей человеческой жизни.

Исключив из диспозиции ч. 1 ст. 181 указание на совершение купли-продажи или иных сделок в отношении человека, законодатель также включил в квалифицированный состав торговли людьми принудительные побуждения, обусловленные стремлением виновного получить материальное, денежное или иное вознаграждение для себя или третьих лиц посредством лишения потерпевшего личной свободы или эксплуатации. Однако, на наш взгляд, материальная составляющая является доминирующей в преступной мотивации по делам данной категории, учитывая специфику объективной стороны рассматриваемого преступления. Ни для кого не секрет, что торговля людьми является весьма доходным преступным бизнесом. По данным Управления по наркотикам и преступности, оборот торговли людьми по всему миру оценивается в 32 млрд долларов США; число жертв составило 2,4 млн, из которых $\frac{2}{3}$ – женщины и дети. В связи с этим вопрос, не сложится ли в правоприменительной практике ситуация, когда действия виновных будут подлежать квалификации по данному пункту ст. 181, а это, в свою очередь, приведет к тому, что ответственности будут привлекаться лишь за квалифицированные деяния торговли людьми, а основной состав вновь окажется неопределенным.

Из числа квалифицирующих признаков данного состава преступления исключен признак, характеризующий торговлю людьми в сочетании с использованием стечения тяжелых личных, семейных или иных обстоятельств потерпевшего. На наш взгляд, такое решение

является обосновано, поскольку факт использования виновным уязвимого положения лица, обусловленного его тяжелым материальным положением, неизлечимым заболеванием самого потерпевшего или его близких, инвалидностью, а также иными неблагоприятными жизненными условиями и обстоятельствами, создающими безвыходное положение для лица, должен рассматриваться как признак, существенным образом повышающий степень общественной опасности совершенного преступления.

Следующее, на что хотелось бы обратить внимание, – это дифференциация ответственности за торговлю несовершеннолетними. Проведенные в 20 странах исследования показали, что сексуальному насилию подвергаются от 7 до 36 % девочек и от 3 до 29 % мальчиков¹. Насилие в отношении детей приводит к разрушительным последствиям для их здоровья, включая венерические заболевания, травмы половых органов, наркотическую зависимость, депрессии, самоубийства и др. Находясь в качестве товара в процессе купли-продажи, ребенок находится в такой физической и психической среде, которая наносит серьезный ущерб его нормальному и здоровому развитию. С учетом повышенной опасности совершения преступления в отношении заведомо несовершеннолетнего в новой редакции статьи данный признак предусмотрен в качестве особо отягчающего обстоятельства.

Безусловно очевидно, что борьба с торговлей людьми не решается исключительно посредством совершенствования уголовного закона. Тем не менее полагаем, что поправки к нему, несмотря на то что некоторые из них могут быть оценены однозначно, позволят обеспечить адекватную охрану личной свободы человека от преступных посягательств.

¹ См. Руководство Международной организации по миграции. Прямая помощь жертвам торговли людьми // под ред. Н.Д. Эриашвили. М.: Юнити-Дата, 2010. С. 218.

Учебное издание

**Ананич Светлана Валерьевна,
Бахур Олег Иванович,
Кашевский Вячеслав Александрович**

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ:
НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ**

Учебное пособие

Редактор *Т.В. Мейкшане*
Технический редактор *А.В. Мозалевская*

Подписано в печать 14.02.2017. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 27,43. Уч.-изд. л. 29,22.
Тираж 100 экз. Заказ 42.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск